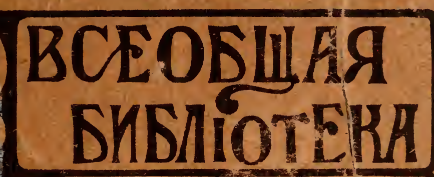

Княгиня Н. Б. Долгорукая

Ея записки

ПОЭМЫ

И. И. Козлова и К. Ѳ. Рылѣева.

Изданiе
Акц. Общ. Типограф.
Дѣла въ С.Петербургѣ
Складъ: 7 рота, 26.

№ 47

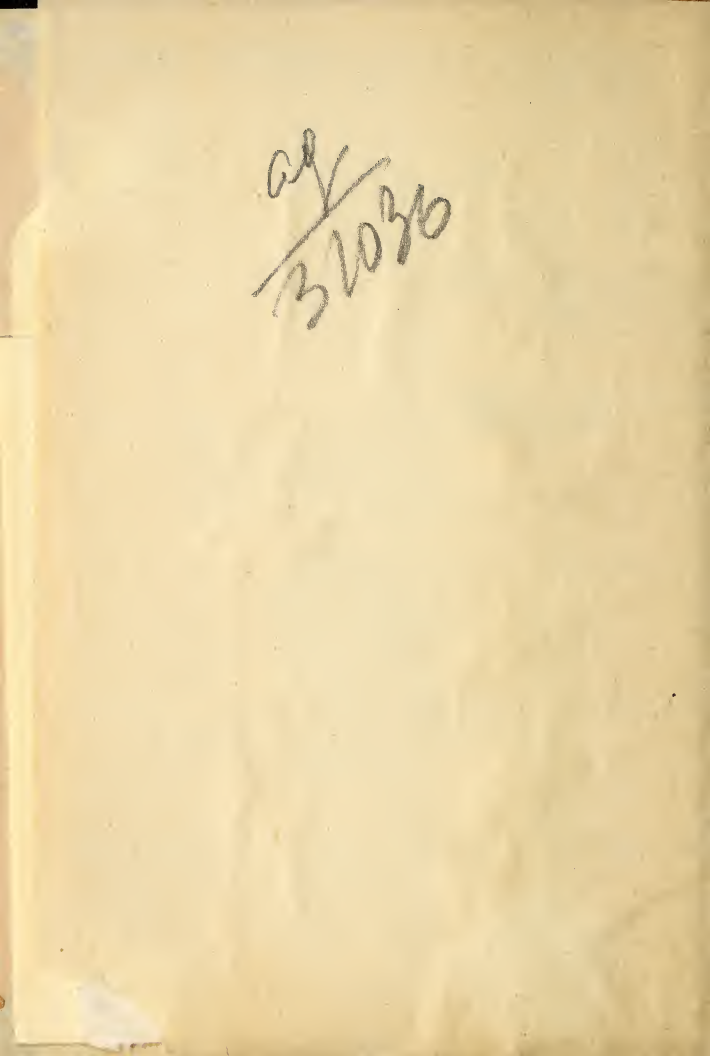
Цѣна 10 коп.

LUX
LIBERTAS

This book is due at the L[illegible]
last date stamped under [illegible]
renewed by bringing it to[illegible]

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
MAR 17 1993			
FEB 25 '93			
JUL 23 2003			
JUL 24 2003			

Form No. 513

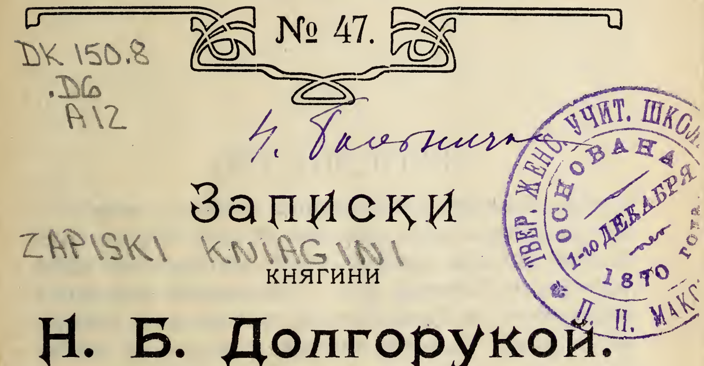

ТВЕР. ЖЕНС. УЧИТ. ШКОЛА
П. П. МАКСИМОВИЧА
ОСНОВАНА
1-го ДЕКАБРЯ
1870 года.

КНЯГИНЯ Н. Б. ДОЛГОРУКАЯ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.

Записки

княгини

Н. Б. Долгорукой.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая.

Поэма **И. И. Козлова.**

Княгиня Наталья Долгорукая.

„Дума“ **К. Ѳ. Рылѣева.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ С.-П-бургѣ.
7 рота, д. 26.

Типографія Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ)
7-ая рота, д. 26.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Среди русскихъ историко-литературныхъ памятниковъ XVIII вѣка не найдется, быть можетъ, ничего болѣе трогательнаго, чѣмъ „Записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой“ — этой невинной страдалицы, героини супружескаго долга, какихъ не много встрѣчалось въ высшихъ кругахъ русскаго общества въ „веселый“ XVIII вѣкъ.

Написанныя превосходнымъ и живымъ для XVIII вѣка языкомъ, исполненныя остроумныхъ замѣчаній и наблюденій — эти „Записки“ отлично рисуютъ не только свѣтлый обликъ княгини, но и нѣкоторыя историческія событія (смерть Петра II и воцареніе Анны Іоанновны) и настроеніе современниковъ княгини.

Эти соображенія и побудили насъ издать „Записки“ во всей ихъ неприкосновенности. „Записки“ дважды издавались уже въ отрывкахъ (въ журналѣ „Другъ Юношества“ въ 1810 г. и въ „Сказаніяхъ о родѣ князей Долгорукихъ“), а въ полномъ видѣ, съ подлинной ихъ рукописи впервые опубликованы въ 1867 г. въ „Русскомъ Архивѣ“, откуда мы, главнымъ образомъ, и заимствуемъ ихъ текстъ.

Въ качествѣ приложенія къ этимъ „Запискамъ“ мы печатаемъ два поэтическихъ произведенія, посвященныхъ княгинѣ Н. Б. Долгорукой: прогремѣвшую въ свое время поэму И. И. Козлова (точное воспроизведеніе текста перваго изданія поэмы 1828 г.) и

одну изъ „Думъ“ К. Ѳ. Рылѣева. Оба поэта воспользовались семейнымъ преданіемъ Долгорукихъ о томъ, что передъ постриженіемъ въ схиму княгиня Наталья Борисовна бросила въ Днѣпръ свое обручальное кольцо въ знакъ отказа отъ послѣдняго драгоцѣннаго для нея воспоминанія о земной жизни.

Считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь нѣкоторыя данныя изъ біографіи княгини Н. Б. Долгорукой.

Княгиня была дочерью извѣстнаго фельдмаршала Петра Великаго графа Б. П. Шереметева и родилась 17 января 1714 года. Какъ шла ея жизнь въ первые годы и какія несчастья внезапно обрушились на ея совсѣмъ еще юную голову, она превосходно разсказываетъ сама, въ печатаемыхъ ниже „Запискахъ“, которыя, къ сожалѣнію, кончаются лишь характеристикой той жизни, которую приходилось вести Долгорукимъ въ ссылкѣ — въ далекомъ Березовѣ.

Злоключенія княгини не кончились и здѣсь. Долгорукіе жили въ вѣчныхъ ссорахъ и дѣло дошло даже до интригъ. Когда Долгорукіе прожили въ Березовѣ нѣсколько лѣтъ, городская администрація стала дѣлать ссыльнымъ разныя послабленія; они стали ходить въ гости и принимать гостей у себя. Мужъ княгини — И. А. Долгорукій — однажды, въ нетрезвомъ видѣ поссорился съ таможеннымъ подъячимъ Тишинымъ, тотъ донесъ о послабленіяхъ ссыльнымъ въ Петербургъ и началось дѣло. Въ Березовъ явился капитанъ Ушаковъ съ порученіемъ секретно изслѣдовать дѣло. Сестра мужа княгини — извѣстная „разрушенная невѣста“ Петра II, княжна Екатерина Алексѣевна воспользовалось случаемъ повредить нелюбимому ею брату и Ушакову стало извѣстно, что мужъ Натальи Борисовны — князь Иванъ Алексѣевичъ Долго-

рукій — одинъ изъ видныхъ участниковъ въ дѣлѣ составленія подложнаго завѣщанія Петра II.

Эта месть достигла цѣли — князь Иванъ погибъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Ушакова, 10 апрѣля 1788 г., князь Иванъ былъ отдѣленъ отъ своей жены и родныхъ и содержался отдѣльно, въ земляной тюрьмѣ, подъ строгимъ надзоромъ. „Отняли у меня жизнь мою — пишетъ въ своей записной книжкѣ княгиня Наталья Борисовна, — безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить, и въ тюрьмѣ была ему товарищъ; эта черная изба, въ кототорой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе царскихъ палатъ; но попущеніемъ Божіимъ за грѣхи мои и злодѣйствомъ сестры его родной и брата его лишилась“. Княгиня могла видѣть мужа только разъ въ день, когда носила ему ѣду, да и то издали.

Затѣмъ — въ августѣ 1738 г. — ночью, князя Ивана въ братьями Николаемъ и Александромъ увезли въ Тобольскъ. Княгиня, по собственному ея признанію, впала въ отчаяніе: „Что я дѣлала? — кричала, билась, волосы на себѣ драла; кто ни попадетъ навстрѣчу всѣмъ валяюсь въ ноги, прошу со слезами: помилуйте, когда вы христіане, дайте только взглянуть на него и проститься. Не было милосерднаго человѣка, не словомъ меня кто утѣшилъ, а только взяли меня и посадили въ темницу и часового, примкнувши штыкъ, поставили“ (Записная книжка княгини).

Дѣло о подложномъ завѣщаніи завершилось жестокими казнями. Князь Иванъ Алексѣевичъ былъ колесованъ 8 ноября 1739 г. Немилость распространилась и на всѣхъ остальныхъ членовъ семьи Долгорукихъ: братья Ивана были сосланы въ каторгу, сестры заключены въ монастыри, но княгиню Наталью Борисовну не трогали и она по-прежнему жила въ Березовѣ. Въ тотъ-же мѣсяцъ, когда казнили князя Ивана, въ тайной кан-

целяріи разсматривалась просьба княгини: „ежели мужъ ея еще живъ, то-бъ ее не разлучать съ нимъ, а если не живъ, то постричь ее". Княгинѣ разрѣшили вернуться въ Москву — къ братьямъ. 17 октября 1740 г. — въ день смерти Анны Іоанновны — она пріѣхала въ Москву съ двумя сыновьями Михаиломъ и Дмитріемъ.

По вступленіи на престолъ Елизаветы Петровны княгинѣ было возвращено прежнее званіе и государыня нѣсколько разъ приглашала ее къ своему двору.

Въ Москвѣ княгиня прожила семнадцать лѣтъ и, женивъ старшаго сына, съ болѣзненнымъ младшимъ уѣхала въ Кіевъ, гдѣ 27 сентября 1758 г. постиглась въ монахини подъ именемъ Нектаріи. Тамъ она и начала писать „Записки" въ серединѣ января 1767 г., а въ мартѣ того-же года приняла схиму.

Но судьба и здѣсь не оставляла княгиню: 26 мая 1769 г. умеръ душевно-больной младшій сынъ ея — Дмитрій. „Увы, мнѣ, окаянной! — писала княгиня въ своей записной книжкѣ. — Горе проходитъ, другое наступаетъ".

3 іюля 1771 г., княгиня отошла въ лучшій міръ. Ее похоронили рядомъ съ сыномъ, Дмитріемъ, при самомъ входѣ въ соборъ Кіево-Печерской лавры.

ЗАПИСКИ
княгини Натальи Борисовны Долгорукой

1767 Году Генваря 12 дня.

Какъ скоро вы[1]) отъ меня поѣхали, осталась я въ уединенiи; пришло на меня унынiе, и такъ отягощена была голова моя безпокойными мыслями: казалось, что уже отъ той тягости къ землѣ клонюсь. Не знала, чѣмъ бы тѣ безпокойныя мысли разбить; пришло мнѣ на память, что вы всегда меня просили, чтобы по себѣ оставила на память журналъ, что̀ мнѣ случилось въ жизни моей достойно памяти, и какимъ средствомъ я жизнь проводила. Хотя она очень бѣдственна и донынѣ, однако во удовольствiе ваше хочу васъ тѣмъ утѣшить, и желанiе ваше или любопытство исполнить, когда то будетъ Богу угодно и слабость моего здоровья допуститъ. Хотя я и не могу много писать, но ваше прошенiе меня убѣждаетъ. Сколько можно, буду стараться, чтобъ привести на память все то, что̀ случилось мнѣ въ жизни моей.

Не всегда бываютъ счастливы благородно-рожденные; по большей части находятся въ свѣтѣ изъ знатныхъ домовъ происходящiе бѣдственны, а отъ подлости рожденные происходятъ въ великiе люди, знатные чины и богатства получаютъ. На то есть опредѣленiе Божiе. Когда и я на свѣтѣ родилась, надѣюсь, что всѣ прiятели отца моего и знающiе домъ нашъ блажили день рожденiя моего, видя радующихся родителей моихъ и благодарящихъ Бога о рожденiи дочери. Отецъ мой и мать надежду имѣли, что я имъ

*) Прiѣзжавшiе въ гости къ Долгорукой ея старшiй сынъ Михаилъ съ женою

буду утѣха при старости. Казалось бы и такъ, по предѣламъ свѣта сего, ни въ чемъ бы недостатку не было. Вы сами не безызвѣстны о родителяхъ моихъ, отъ кого на свѣтъ произведена и домъ нашъ знаете, который и доднесь во всякомъ благополучіи состоитъ; братья и сестры мои живутъ во удовольствіи міра сего, честьми почтены, богатство и изобиліе. Казалось и мнѣ никакого слѣду не было къ нынѣшнему моему состоянію. Для чего бы и мнѣ не такъ счастливой быть, какъ и сестры мои? Я еще всегда думала предъ ними преимущество имѣть, потому что я была очень любима у матери своей и воспитана отмѣнно отъ нихъ, я же имъ и большая. Надѣюсь, тогда всѣ обо мнѣ разсуждали: такого великаго господина дочь, знатство и богатство, кромѣ природныхъ достоинствъ, обратитъ очи всѣхъ знатныхъ жениховъ на себя и я, по человѣческому разсужденію, совсѣмъ опредѣлена къ благополучію; но Божій судъ совсѣмъ не сходенъ съ человѣческимъ опредѣленіемъ. Онъ по Своей власти иную жизнь мнѣ назначилъ, объ которой никогда и никто вздумать не могъ и ни я сама.

Я очень имѣла склонность къ веселію. Я осталась малолѣтна послѣ отца моего, не больше какъ пяти лѣтъ; однако я росла при вдовствующей матери моей во всякомъ довольствѣ, которая старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не упустить въ наукахъ, и всѣ возможности употребляла, чтобъ мнѣ умножить достоинствъ. Я ей была очень дорога; льстилась мною веселиться, представляла себѣ, когда приду въ совершенныя лѣты, буду добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и радости; и такъ меня содержала, какъ должно благородной дѣвушкѣ быть; пребезмѣрно меня любила, хотя я тому и недостойна была. Однако все мое благополучіе кончилось: смерть меня съ нею разлучила. Я осталась послѣ милостивой своей матери четырнадцати лѣтъ: это первая бѣда меня встрѣтила. Сколько я ни плакала, только еще все недоставало, кажется, противъ любви ея ко мнѣ. Однако ни слезами, ни рыданіемъ не воротила. Осталась я сиротою съ большимъ братомъ, который уже сталъ своему дому господинъ. Вотъ уже совсѣмъ моя жизнь перемѣнилась. Можно ли всѣ горести описать, которыя со мной случались? Надобно молчать. Хотя

я льстилась впредь быть счастливой, однако очень часто источники изъ глазъ лились. Молодость лѣтъ нѣсколько помогала терпѣть во ожиданіи впредбудущаго счастія; думала еще: будетъ и мое время, повеселюсь на свѣтѣ; а того не знала, что Вышняя Власть грозитъ мнѣ бѣдами, и что въ будущее надежда обманчива бываетъ.

И такъ я послѣ матери своей всѣхъ канпаній лишилась; пришло на меня высокоуміе, вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ мнѣ чего не понести, какого поноснаго слова: тогда очень наблюдали честь. И такъ, я сама себя заключила; и правда, что въ тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣтѣ: очень примѣчали поступки знатныхъ или молодыхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ въ нонѣшній вѣкъ. Я такъ вамъ пишу, будто я съ вами говорю, и для того вамъ отъ начала жизнь свою веду. Вы увидите, что я и въ самой молодости весело не живала и никогда сердце мое большаго удовольствія не чувствовало. Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣ пріучала себя къ скукѣ. И такъ я жила послѣ матери своей два года; дни мои проходили безутѣшны. Тогда обыкновенно всегда, гдѣ слышатъ невѣсту богатую, тутъ и женихи льстятся; пришло и мое время, чтобъ начать ту благополучную жизнь, которою я льстилась. Я очень была счастлива женихами; однако то оставлю, а буду вамъ то писать, что въ дѣло произошло. Правда, что начало было очень велико; думала, я первая счастливица въ свѣтѣ, потому что первая персона вь нашемъ государствѣ былъ мой женихъ (князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, другъ императора Петра II). При всѣхъ природныхъ достоинствахъ имѣлъ знатные чины при дворѣ и въ гвардіи; я признаюсь вамъ въ томъ, что я почитала за великое благополучіе, видя его къ себѣ благосклонна. Напротивъ того и я ему отвѣтствовала, любила его очень, хотя я никакого знакомства прежде не имѣла, нежели онъ мнѣ женихомъ сталъ; но истинная и чистосердечная его любовь ко мнѣ на то склонила. Правда, что сперва это очень громко было; всѣ кричали: ахъ, какъ она счастлива! Моимъ

ушамъ не противно было это эхо слышать; а не знала, что это счастіе мною поиграетъ: показало мнѣ только, чтобъ я узнала, какъ люди живутъ въ счастіи, которыхъ Богъ благословитъ. Однако, я тогда ничего не разумѣла, молодость лѣтъ не допускала ни о чемъ предбудущемъ разсуждать; а радовалась тѣмъ, видя себя въ такомъ благополучіи цвѣтущею. Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатку; милый человѣкъ въ глазахъ, въ разсужденіи томъ, что этотъ союзъ любви будетъ до смерти неразрывный, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе: всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной! Я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась.

Между тѣмъ начались у насъ пріуготовленія къ сговору нашему. Правду могу сказать, рѣдко кому случилось видѣть такое знатное собраніе: вся императорская фамилія была на нашемъ сговорѣ, всѣ чужестранные министры, наши всѣ знатные господа, весь генералитетъ, однимъ словомъ сказать, столько было гостей, сколько домъ нашъ могъ помѣстить обоихъ персонъ; не было ни одной комнаты, гдѣ бы не полно было людей. Обрученіе наше было въ залѣ, духовными персонами, одинъ архіерей и два архимандрита. Послѣ обученія всѣ его сродники меня дарили очень богатыми дарами, брилліантовыми серьгами, часами, табакерками и готовальнями и всякою галантерееюо; мои-бъ руки немогли-бъ всего забрать, когда-бъ мнѣ не помогали принимать. Наши перстни были, которыми обручались, его въ двѣнадцать тысячъ, а мой — въ шесть тысячъ. Напротивъ, и мой братъ жениха моего дарилъ: шесть пудовъ серебра, старинные великіе кубки и фляши золоченыя. Казалось мнѣ тогда, по моему молодоумію, что это все прочно и на цѣлой мой вѣкъ будетъ; а того не знала, что въ здѣшнемъ свѣтѣ ничего нѣтъ прочнаго, а все на часъ. Сговоръ мой былъ въ семь часовъ пополудни; это была уже ночь, и для того принуждены были смоляныя бочки зажечь для свѣту, чтобъ видно было разъѣзжаться гостямъ; тѣснота превеликая отъ каретъ была; отъ того великаго огня видно было, сказываютъ, что около ограды дому нашего столько было народа, что вся улица заперлась,

и кричалъ простой народъ: „Слава Богу, отца нашего дочь идетъ замужъ за великаго человѣка, возставитъ родъ свой и возведетъ братьевъ своихъ на степень отцову!“ Надѣюсь, вы довольно извѣстны, что отецъ мой былъ первой фельдмаршалъ и что очень былъ любимъ народомъ, и до-днесь его помнятъ. О прочихъ всѣхъ сговорныхъ церемоніяхъ или веселіяхъ умолчу, нынѣшнее мое состояніе и званіе запрещаетъ; однимъ словомъ сказать: все, что̀ можете вздумать, ничего упущено не было. Это мое благополучіе и веселіе долго-ль продолжалось? Не болѣе какъ отъ Декабря 24 дня по 18 Генваря день. Вотъ моя обманчивая надежда кончилась; со мною такъ случилось, какъ съ сыномъ царя Давида Нафаномъ: лизнулъ медку, и пришло было умереть. Такъ и со мною случилось: за двадцать шесть дней благополучныхъ, или сказать радостныхъ, сорокъ лѣтъ по сей день стражду; за каждый день по два года придетъ безъ малаго, еще шесть дней надобно вычесть; да кто можетъ знать предбудущее! Можетъ быть и дополнятся, когда продолжится сострадательная жизнь моя.

Теперь надобно уже иную матерію зачать. Умъ колеблется, когда приведу на память, что послѣ всѣхъ этихъ веселій меня постигло, которыя мнѣ казались навѣки нерушимы будутъ. Знать, что не было мнѣ тогда друга, кто-бъ меня научилъ, чтобъ по этой скользкой дорогѣ опаснѣе ходила. Боже мой! какая буря грозная возстала, со всего свѣту бѣды совокупились! Господи, дай силъ изъяснить мои бѣды, чтобъ я могла ихъ описать для знанія желающихъ и для утѣшенія печальнымъ, чтобъ, помня меня, утѣшались. И я была человѣкъ, вся дни живота своего проводила въ бѣдахъ, и все опробовала: гоненія, странствія, нищету, разлученіе съ милымъ, все, что кто можетъ вздумать. Я не хвалюсь своимъ терпѣніемъ, но о милости Божіей похвалюсь, что Онъ мнѣ далъ столько силы, что я перенесла, и по сіе время несу; невозможно бы человѣку смертному такіе удары понести, когда не свыше сила Господня подкрѣпляла. Возьмите въ разсужденіе мое воспитаніе и нонѣшнее мое состояніе.

Вотъ начало моей бѣды, чего я никогда не ожидала! Государь нашъ окончилъ животъ свой; паче

чаянія моего, чего никогда не ожидала, сдѣлалась коронная перемѣна. Знать такъ было Богу угодно, чтобъ народъ за грѣхи наказать: отняли милостиваго государя, и великой былъ плачъ въ народѣ. Всѣ сродники мои съѣзжаются, жалѣютъ, плачутъ обо мнѣ, какъ мнѣ эту напасть объявить; а я обыкновенно долго спала, часу до девятаго; однако, какъ скоро проснулась, вижу у всѣхъ глаза заплаканы; какъ они ни стереглись, только видно было. Хотя я и знала, что государь боленъ, и очень боленъ, однако я великую въ томъ надежду имѣла на Бога, что Онъ не оставитъ сирыхъ; однако знать мы тому достойны были. По необходимости принуждены были мнѣ объявить. Какъ скоро эта вѣдомость дошла до ушей моихъ, что уже тогда со мной было, — не помню; а какъ опомнилась, только и твердила: ахъ! пропала! пропала! Не слышно было иного ничего отъ меня, что пропала! Какъ кто ни старался меня утѣшить, только не можно было плачъ мой пресѣчь, ни угововорить. Я довольно знала обыкновеніе своего государства, что всѣ фавориты послѣ своихъ государей пропадаютъ: чего было и мнѣ ожидать? Правда, что я не такъ много дурно думала какъ со мною сдѣлалось: потому, хотя мой женихъ и любимъ государемъ, и знатные чины имѣлъ, и ввѣрены ему были всякія дѣла государственныя; но подкрѣпляли меня нѣсколько честные его поступки. Знавъ его невинность, что онъ никакимъ непристойнымъ дѣламъ не косенъ былъ, мнѣ казалось, что не можно безъ суда человѣка обвинить и подвергнуть гнѣву, или отнять честь или имѣніе; однако, послѣ уже узнала, что при несчастливомъ случаѣ и правда не помогаетъ. И такъ я плакала безутѣшно. Свойственники, сыскавъ средства, чѣмъ бы меня утѣшить, стали меня (уговаривать), что я еще человѣкъ молодой, а такъ себя безразсудно сокрушаю; можно этому жениху отказать, когда ему будутъ худо; будутъ другіе женихи, которые не хуже его достоинствомъ, развѣ только не такіе великіе чины будутъ имѣть, а въ то время правда, что (одинъ) женихъ очень хотѣлъ меня взять, только я на то несклонна была, а сродникамъ моимъ всѣмъ хотѣлось за того жениха меня выдать. Это предложеніе такъ мнѣ тяжело было, что ничего на то не могла имъ отвѣтствовать. Войдите въ разсужденіе, какое это мнѣ

утѣшеніе и честна ли это совѣсть, когда онъ былъ великъ, такъ я съ радостью за него шла, а когда онъ сталъ несчастливъ, отказать ему? Я такому безсовѣстному совѣту согласиться не могла; а такъ положила свое намѣреніе, когда сердце одному отдавъ жить или умереть вмѣстѣ, а другому уже нѣтъ участія въ моей любви. Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра — другого; въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна. Во всѣхъ злополучіяхъ я была своему мужу товарищъ; и теперь скажу самую правду, что, будучи во всѣхъ бѣдахъ, никогда не раскаявалась, для чего я за него пошла, и не дала въ томъ безумія Богу. Онъ тому свидѣтель: все, любя его, сносила; сколько можно мнѣ было, еще и его подкрѣпляла. Мои сродники имѣли другое разсужденіе; такой мнѣ совѣтъ давали, или можетъ быть, меня жалѣли. — Къ вечеру пріѣхалъ мой женихъ ко мнѣ, жалуясь на свое несчастіе; при томъ разсказывалъ объ смерти, жалости достойной, какъ государь скончался, что все въ памяти былъ, и съ нимъ прощался. И, такъ говоря, плакали оба, и присягали другъ-другу, что насъ ничто не разлучитъ, кромѣ смерти; я готова была съ нимъ хотя всѣ земныя пропасти пройтить. И такъ, часъ отъ часу пошло хуже. Куда дѣвались искатели и друзья? Всѣ спрятались, и ближніе отдалече меня сташа, всѣ меня оставили въ угодность новымъ фаворитамъ; всѣ стали уже меня бояться, чтобъ я въ встрѣчу съ кѣмъ не попалась, всѣмъ подозрительна. Лучше-бъ тому человѣку не родиться на свѣтѣ, кому на время быть велику, а послѣ придти въ несчастіе: всѣ станутъ презирать, никто говорить не хочетъ!

Выбрана была на престолъ одна принцесса крови, которая никакого слѣду не имѣла къ коронѣ (т. е. Анна Іоанновна). Между тѣмъ пріуготовлялись церемоніи къ погребенію. Пришелъ тотъ назначенной несчастливый день; нести надобно было государево тѣло мимо нашего дому, гдѣ я сидѣла подъ окошкомъ, смотря ту плачевную церемонію. Боже мой, какъ духъ во мнѣ удержался! Началось духовными персонами, множество архіереевъ, архимандритовъ и всякаго духовнаго чину; потомъ, какъ обыкновенно бываютъ такія высочайшія погребенія, несли государственные гербы,

кавалерію, разные ордены, короны; въ томъ числѣ и мой женихъ шелъ передъ гробомъ, несъ на подушкѣ кавалерію, и два ассистента вели подъ руки. Не могла его видѣть отъ жалости въ такомъ состояніи: епанча траурная, флеръ на шляпѣ до земли, волосы распущенные, самъ такъ блѣденъ, что никакой живости нѣтъ. Поровнявши противъ моихъ оконъ, взглянулъ плачущими глазами съ тѣмъ знакомъ или миною: кого погребаемъ? въ послѣдній, въ послѣдній разъ провожаю. Я такъ обезпамятовала, что упала на окошко: не могла усидѣть отъ слабости. Потомъ и гробъ везутъ: отступили отъ меня уже всѣ чувства на нѣсколько минутъ. А какъ опомнилась, оставя всѣ церемоніи, плакала, сколько мое сердце дозволило, разсуждая мыслію своею, какое это сокровище земля принимаетъ, на которое, кажется, и солнце со удивленіемъ сіяло. Умъ сопряженъ былъ съ мужественною красотою; природное милосердіе, любовь къ подданнымъ нелицемѣрная. О, Боже мой, дай великодушно понести сію напасть, лишеніе сего милостиваго монарха. О, Господи, Всевышній Творецъ, Ты вся можеши, возврати хотя на единую минуту духъ его и открой глаза его, чтобъ онъ увидѣлъ вѣрнаго своего слугу, идущаго предъ гробомъ, потерявъ всю надежду ко утѣшенію и облегченію печали его! И такъ окончилась церемонія; множество знатныхъ дворянъ, слѣдующихъ за гробомъ; казалось мнѣ, что и небо плачетъ, и всѣ стихіи небесныя. Надѣюсь, между тѣмъ и такіе были, которые радовались, чая себѣ отъ новой государыни милости.

По нѣсколькихъ дняхъ послѣ погребенія, пріуготовляли торжественное восшествіе новой государыни въ столичный городъ со звономъ, съ пушечною пальбою. Въ назначенный день поѣхала и я посмотрѣть ея встрѣчи: для того полюбопытствовала, что я ее не знала отъ роду въ лицо, кто она. Во дворцѣ, въ одной отхожей комнатѣ, я сидѣла, гдѣ всю церемонію видѣла. Она шла мимо тѣхъ оконъ, подъ которыми я была, и тутъ послѣдній разъ видѣла, какъ мой женихъ командовалъ гвардіею; онъ былъ маіоръ, отдавалъ ей честь на лошади. Подумайте, каково мнѣ глядѣть на сіе позорище! И съ того времени въ жизни своей я ея не видала. Престрашнаго была взору. Отвратное лице имѣла; такъ была велика, когда между

кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста. Какъ я поѣхала домой, надобно было ѣхать черезъ всѣ полки, которые въ строю были собраны. Я поспѣшила домой, еще не распущены были. Боже мой! Я тогда свѣта не видѣла и не знала отъ стыда, куда меня везутъ, и гдѣ я. Одни кричатъ: „это отца нашего невѣста!“ Подбѣгаютъ ко мнѣ: „матушка наша, лишились мы своего государя!“ Иные кричатъ: „прошло ваше время, теперь не старая пора!“ Принуждена была все это вытерпѣть; рада была, что доѣхала до двора своего; вынесъ Богъ изъ такого содому.

Какъ скоро вступила государыня въ самодержавство, такъ и стали искоренять нашу фамилію; не такъ бы она злобна была на насъ, да фаворитъ ея, который былъ безотлучно при ней, онъ старался нашъ родъ истребить, чтобъ его на свѣтѣ не было; по той злобѣ, когда ее выбирали на престолъ, то между прочими пунктами написано было, чтобъ онаго фаворита, который былъ при ней каммергеромъ, въ наше государство не ввозить: потому что они жили въ своемъ владѣніи; хотя она и наша принцесса, да была выдана замужъ; овдовѣвши, жила въ своемъ владѣніи, а оставить и его въ своемъ домѣ, чтобъ онъ у насъ ни въ какихъ дѣлахъ не былъ, къ чему она и подписалась. Однако злодѣи многіе, недоброжелатели своему отечеству, всѣ пункты перемѣнили и дали ей во всемъ волю и все народное желаніе уничтожили; и его къ ней попрежнему допустили. Какъ онъ усилился, побравъ себѣ знатные чины, первое возымѣлъ дѣло съ ами ’ и искалъ, какими бы мѣрами насъ истребить изъ числа живущихъ. Такъ публично говорилъ: дома той фамиліи не оставлю! Что̀ онъ не напрасно говорилъ, но и въ дѣло произвелъ. Какъ онъ уже взошелъ на великую степень, онъ не могъ уже на насъ спокойными глазами глядѣть. Онъ насъ боялся и стыдился; зналъ нашу фамилію, за сколько лѣтъ рожденные князья имѣли свое владѣніе, сколькимъ коронамъ заслужили. Всѣ предки нашъ родъ любили за вѣрную службу къ отечеству, живота своего не щадили; сколько на войнахъ головы свои положили! За такія ихъ знатныя службы были отъ государей отмѣнно награждены великими чинами, кавалеріями, и въ чужихъ государ-

ствахъ многимъ спокойствіе дѣлали, гдѣ имя ихъ славно; а онъ былъ самый подлый человѣкъ, а дошелъ до такого великаго градуса, однимъ словомъ сказать, только одной короны не доставало! Уже всѣ въ руку его цѣловали, и что хотѣлъ, то дѣлалъ: уже титуловали его ваше высочество; а онъ не что иное былъ, какъ башмачникъ: на дядю моего сапоги шилъ *). Сказываютъ, мастеръ превеликой былъ; да красота его до такой великой степени довела. Бывши такихъ высокихъ мыслей, думалъ, что не удастся ему до конца привести свое намѣреніе, онъ не истребитъ знатные роды; (но) такъ и сдѣлалъ: не только нашу фамилію, но другую такую же знатную фамилію сокрушилъ, разорилъ и въ ссылку сослалъ (Голицыныхъ). Уже все ему было покорено. Однако о томъ я буду молчать, чтобъ не прейтить предѣловъ; я намѣрена только свою бѣду писать, а не чужіе пороки обличать.

Не зналъ онъ, чѣмъ начать, чтобъ насъ сослать. Первое, всѣхъ сталъ къ себѣ призывать изъ тѣхъ же людей, которые прежде намъ друзья были; ласкалъ ихъ, выспрашивалъ, какъ мы жили, и не дѣлали ли кому обиды, не брали ли взятковъ? Нѣтъ, никто ничего не сказалъ. Онъ этимъ не доволенъ былъ; велѣлъ указомъ объявить, чтобъ всякой безъ опасности подавалъ самой государынѣ челобитныя, ежели кого чѣмъ обидѣли: и того удовольствія не получилъ. А между тѣмъ всякія вѣсти ко мнѣ въ уши приходятъ; иной скажетъ, въ ссылку сошлютъ; иной скажетъ, чины и кавалеріи оберутъ; подумайте, каково мнѣ тогда было, будучи въ шестнадцать лѣтъ? Ни отъ кого руку помощи не имѣть, и не съ кѣмъ о себѣ посовѣтывать; а надобно и домъ, долгъ и честь сохранить, и вѣрность не уничтожить. Великая любовь къ нему весь страхъ изгонитъ изъ сердца; а иногда нѣжность воспитанія и природа въ такую горесть приведетъ, что всѣ члены онѣмѣютъ отъ несносной тоски. Куда какое это злое время было! Мнѣ кажется, при Антихристѣ не тошнѣе того будетъ. Кажется, въ тѣ дни и солнце не свѣтило; кровь вся закипитъ, когда вспомню, какая это подлая душа, какіе столбы поколебала, до основанія

---

*) Это не подтверждается свѣдѣніями о молодости Бирона изъ другихъ источниковъ.

разорилъ, и до днесь не можемъ исправиться; что же до меня касается, въ здѣшнемъ свѣтѣ на вѣки пропала.

И такъ мое жалкое состоянiе продолжалось по апрѣль мѣсяцъ; только и отрады мнѣ было, когда его вижу, поплачемъ вмѣстѣ, и такъ домой поѣдетъ. Куда уже всѣ веселья пошли! Ниже сходства было, что это женихъ къ невѣстѣ ѣздитъ. Что же между тѣмъ, какiя были домашнiя огорченiя? Боже, дай мнѣ все то забыть! Наконецъ, уже надо нашъ несчастливый бракъ окончить; хотя, какъ ни откладывали день отъ дня, но, видя мое непремѣнное намѣренiе, принуждены согласиться. Братъ тогда былъ боленъ большой, а меньшой, который меня очень любилъ, жилъ въ другомъ домѣ, по той причинѣ, что онъ тогда не лежалъ еще воспою, а большой братъ былъ воспою боленъ. Ближнiе сродники всѣ отступили; дальнiе и пуще не имѣли резону. Бабка родная умерла. И такъ я осталась безъ призрѣнiя; самъ Богъ меня давалъ замужъ, а больше никто. Не можно всѣхъ тѣхъ безпорядковъ описать, что со мною тогда были; уже день назначили свадьбы; не кому проводить, никто изъ родныхъ не ѣдетъ, да не кому и звать. Господь самъ умилосердилъ сердца двухъ старушекъ, моихъ свойственныхъ, которыя меня провожали, а то принуждена бы съ рабою ѣхать; а ѣхать надобно было въ село (Горенки), пятнадцать верстъ отъ города: тамъ наша свадьба была. Въ этомъ селѣ они всегда лѣтомъ живали; мѣсто очень веселое и устроенное; палаты каменные, пруды великiе, ранжереи и церковь въ палатахъ. Послѣ смерти государевой отецъ его съ своею фамилiею тамъ жилъ. Фамилiя ихъ была не малая: я, все презря на весь страхъ! Свекоръ былъ и свекровь, три брата, кромѣ моего мужа, и три сестры; вить надобно бы о томъ подумать, что я всѣмъ меньшая и всѣмъ должна угождать во всемъ; во всемъ положилась на волю Божiю: знать судьба мнѣ такъ опредѣлила!

Вотъ уже, какъ я стала прощаться съ братомъ и со всѣми домашними, кажется бы и варваръ сжалился, видя мои слезы; кажется, и стѣны дому отца моего помогали мнѣ плакать; братъ и домашнiе такъ много плакали, что изъ глазъ меня со слезами отпустили. Какая это розница свадьба, сговоръ? Тамъ всѣ кри-

чали: ахъ! какъ она счастлива; а тутъ провожаютъ и плачутъ: знать, что я всѣмъ жалка была. Боже мой, какъ перемѣна! Какъ я выѣхала изъ отцовскаго дому, съ тѣхъ поръ цѣлый вѣкъ странствовала. Привезли меня въ домъ свекровъ какъ невольницу: вся расплакана, свѣту не вижу передъ собою. Подумайте, и съ добрымъ порядкомъ замужъ идти, надобно подумать послѣднее счастіе; не токмо въ таковомъ состояніи, какъ я шла. Я пріѣхала въ одной каретѣ, да двѣ вдовы со мною сидятъ, а у нихъ всѣ родные приглашены дядья, тетки; и пуще мнѣ стало горько: привезли меня какъ бѣдненькую сироту; принуждена все сносить Тутъ насъ въ церкви вѣнчали. По окончаніи свадебной церемоніи, провожатые мои меня оставили, поѣхали домой; и такъ нашъ бракъ былъ плачу больше достоинъ, а не веселія. На третій день, по обыкновенію, я стала сбираться съ визитами ѣхать по ближнимъ его сродникамъ и рекомендовать себя въ ихъ милость: всегда можно было изъ того села ѣхать въ городъ послѣ обѣда, домой ночевать пріѣзжали.

Вмѣсто визитовъ, сверхъ чаянія моего, мнѣ сказываютъ, пріѣхалъ-де секретарь изъ Сенату; свекоръ мой долженъ былъ его принять. Онъ ему объявляетъ: указомъ велѣно-де вамъ ѣхать въ дальнія деревни, и тамъ жить до указу. Охъ! какъ мнѣ эти слова не полюбились; однако я крѣплюся, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю: поѣзжайте сами къ государынѣ, оправдайтесь. Свекоръ, глядя на меня, удивляется моему молодоумію и смѣлости. Нѣтъ, я не хотѣла свадебной церемоніи пропустить, и не разсудя, что уже бѣда, подбила мужа, уговорила его ѣхать съ визитомъ: поѣхали къ дядѣ родному, который насъ съ тѣмъ встрѣтилъ: былъ ли у васъ сенатскій секретарь? У меня былъ, и велѣно мнѣ ѣхать въ дальнія деревни, жить до указу. Вотъ тутъ и другіе дяди съѣхались, всѣ тоже сказываютъ. Нѣтъ, нѣтъ, уже я вижу, что на это дѣло нѣту починки: это мнѣ свадебные конфекты. Скорѣе домой поѣхали, и съ тѣхъ поръ мы другъ друга не видали, и никто ни съ кѣмъ не прощались: не дали время. Я пріѣхала домой; у насъ уже сбираются; велѣно въ три дни чтобъ въ городѣ не было; принуждена судьбѣ повиноваться. У насъ

такое время, когда къ несчастію, то нѣтъ уже никакого оправданія, не лучше турковъ: когда-бъ прислали петлю, должны-бъ удавиться.

Подумайте, каково мнѣ тогда было видѣть: всѣ плачутъ, суетятся, сбираются! И я суечусь. Куда ѣду, не знаю, и гдѣ буду жить, не вѣдаю, только что слезами обливаюсь. Я еще и къ нимъ ни къ кому не привыкла; мнѣ страшно было только въ чужой домъ перейтить. Какъ это тяжело! Такъ далеко везутъ, что никого своихъ не увижу; однако въ разсужденіи для милаго человѣка все должна сносить; стала я сбираться въ дорогу; а какъ я очень молода, никуда не ѣзжала и что въ дорогѣ надобно, не знала никакихъ обстоятельствъ, что̀ можетъ впредь быть: обоимъ намъ и съ мужемъ было тридцать семь лѣтъ. Онъ выросъ въ чужихъ краяхъ, жилъ все при дворѣ; онъ все на мою волю отдалъ; не знала, что мнѣ дѣлать, научить было некому. Я думала, что мнѣ ничего не надобно будетъ и что очень скоро насъ воротятъ. Хотя и вижу, что свекровь и золовки съ собой очень много берутъ изъ брилліантовъ, изъ галантереи, все по карманамъ прячутъ, мнѣ до того и нужды не было: я только хожу за нимъ слѣдомъ, чтобъ изъ глазъ моихъ куда ни ушелъ; и такъ чисто собралась: что имѣла при себѣ, золото и серебро, все отпустила домой къ брату на сохраненіе; довольно моему глупому тогдашнему разсудку, изъяснить вамъ хочу, не токмо брилліантовъ что оставить для себя и всякихъ нуждъ, всякую мелочь, манжеты кружевные, чулки, платки шелковые, сколько ихъ было дюжинъ, все отпустила. Думала, на что мнѣ тамъ? всего не переносить; шубы всѣ обобрала у него и послала домой, потому что они всѣ были богатыя; одинъ тулупъ ему оставила, да себѣ шубу, да платье черное, въ чемъ ходила тогда по государѣ. Братъ прислалъ на дорогу тысячу рублевъ; на дорогу вынула четыреста, а то назадъ отослала; думаю, на что мнѣ такъ много денегъ прожить? Мы поѣдемъ на общемъ коштѣ; мой отъ отца не отдѣленъ. Послѣ уже узнала глупость свою, да поздно было; только на утѣшеніе себѣ оставила одну табакерку золотую, и то для того, что царская милость.

И такъ мы, собравшись, поѣхали; съ нами было собственныхъ людей десять человѣкъ, да лошадей его

любимыхъ верховыхъ пять. Я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на обчемъ. Ѣдемъ въ незнаемое мѣсто и путь въ самой разливъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, гдѣ всѣ луга потопляетъ вода, и маленькіе розливы бываютъ озерами; а ѣхать до той деревни, гдѣ намъ жить, восемьсотъ верстъ. Изъ моей родни никто ко мнѣ не поѣхалъ проститься, или не смѣли, или не хотѣли, Богъ то разсудитъ; а только со мной поѣхала моя мадамъ, которая за маленькою за мною ходила, иноземка; да дѣвка, которая при мнѣ жила: я и тѣмъ была рада. Мнѣ какъ ни было тяжело, однако принуждена духъ свой стѣснять и скрывать свою горесть для мужа милаго; ему и такъ тяжело, что самъ страждетъ, при томъ же и меня видитъ, что его ради погибаю. Я въ радости ихъ не участница была, а въ горести имъ товарищъ, да еще всѣмъ меньшая, надобно всякому угодить. Я надѣялась на свой нравъ, что я всякому услужу. И такъ, куда мы прiѣдемъ на станъ, пошлемъ закупать сѣно, овесъ лошадямъ. Стала уже и я въ экономiю входить; вижу, что денегъ много идетъ. Мужъ мой пойдетъ смотрѣть, какъ лошадямъ кормъ задаютъ, и я съ нимъ: отъ скуки что было дѣлать? Да эти лошади право и стоили того, чтобы за ними смотрѣть; ни прежде, ни послѣ такихъ красавицъ не видала; когда-бъ я была живописецъ, не устыдилась бы ихъ портреты написать.

Девяносто верстъ отъ города какъ отъѣхали, въ первой провинцiальной городъ прiѣхали: тутъ случилось намъ обѣдать. Вдругъ явился къ намъ капитанъ гвардiи, объявляетъ намъ указъ: велѣно де съ васъ кавалерiи снять. Въ столицѣ знать стыдились такъ безвинно ограбить, такъ на дорогу выслали. Боже мой, какое это правосудiе! Мы отдали тотчасъ съ радостiю, чтобы ихъ спокоить; думали, они тѣмъ будутъ довольны, обругали, сосланы; нѣтъ, у нихъ не то на умѣ. Поѣхали мы въ путь свой, отправивши его, непроходимыми стезями, никто дороги не знаетъ; лошади свои все тяжелыя; кучера только знаютъ, какъ по городу провезти. Настигла насъ ночь, принуждены стать въ полѣ, а гдѣ, не знаемъ, на дорогѣ ли, или свернули, никто не знаетъ, потому что все воду объѣзжали. Стали тутъ, палатки поставили. Это надобно

знать, что наша палатка будетъ всѣхъ далѣ поставлена, потому что лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ по близости золовкамъ, а тамъ деверьямъ холостымъ, а мы будто иной партіи: послѣднее мѣсто намъ будетъ. Случалось и въ болотѣ; какъ постелю сымутъ — мокра, иногда и башмаки полны воды. Это мнѣ очень памятно, что весь лугъ былъ зеленой, травы не было, какъ только чеснокъ полевой; и такой былъ духъ тяжелый, что у всѣхъ головы болѣли, и когда мы ужинали, то мы всѣ видѣли, что два мѣсяца взошло, ардинарный большой, а другой подлѣ него поменьше, и мы долго на нихъ смотрѣли, и такъ ихъ оставили, спать пошли. По утру, какъ мы встали, свѣтъ насъ освѣтилъ, удивлялись сами, гдѣ мы стояли: въ самомъ болотѣ и не по дорогѣ; какъ насъ Богъ помиловалъ, что мы гдѣ не увязли ночью; такъ оттудова насилу на прямую дорогу выбились.

Маленькая у насъ утѣха была, псовая охота. Свекоръ превеликій охотникъ былъ: гдѣ случится какой перелѣсочекъ, мѣсто для нихъ покажется хорошо, верхами сядутъ и поѣдутъ, пустятъ гончихъ; только провожденіе было времю, или сказать скукѣ. А я останусь одна, утѣшу себя, дамъ глазамъ своимъ волю, и плачу сколько хочу.

Въ одинъ день такъ случилось; мой товарищъ поѣхалъ верхомъ, а я осталась въ слезахъ. Очень уже поздно, стало смеркаться, и гораздо уже темно; вижу противъ меня скачутъ двое верховые, прискакали къ моей каретѣ, кричатъ: стой! Я удивилась; слышу голосъ мужа моего и съ меньшимъ братомъ, который весь мокръ. Говоритъ мнѣ мужъ: вотъ онъ избавилъ меня отъ смерти. Какъ же я испужалась! Какъ-де мы поѣхали отъ васъ, и все разговаривали и сшиблись съ дороги; видимъ мы, за нами никого нѣтъ, вотъ мы по лошадямъ ударили, чтобъ скорѣе кого своихъ наѣхать; видимъ, что поздно; пріѣхали къ ручью, казался очень мелокъ; такъ мой мужъ хотѣлъ напередъ ѣхать опробовать, какъ глубокъ. Такъ бы они, конечно, утонули, потому что тогда подъ нимъ лошадь была не проворна, и онъ былъ въ шубѣ; братъ его удержалъ, говоритъ: постой! на тебѣ шуба тяжела, а я въ одномъ кафтанѣ, подо мною же и лошадь добра, она меня вывезетъ, а послѣ переѣдете. Какъ это выго-

воря, тронулъ свою лошадь; она передними ногами ступила въ воду, а задними уже не успѣла, какъ ключъ ко дну; такъ крутоберего было и глубоко, что не могла задними ногами справиться, одна только шляпа поплыла; однако она очень скоро справилась, лошадь была проворная; а онъ крѣпко на ней сидѣлъ, за гриву ухватился. По счастію ихъ, человѣкъ ихъ наѣхалъ, который отъ нихъ отсталъ; видя ихъ въ такой бѣдѣ, тотчасъ кафтанъ долой, бросился въ воду; онъ умѣлъ плавать, ухватилъ за волосы и притащилъ къ берегу. И такъ, Богъ его спасъ животъ, и лошадь выплыла. Такъ испужалась, и плачу, и дрожу вся; побожилась, что я его никогда верхомъ не пущу, спѣшили скорѣе доѣхать до мѣста, насилу его отогрѣли, въ деревню пріѣхавши.

Послѣ, нѣсколько дней спустя, пріѣхали мы ночевать въ одну маленькую деревню, которая на самомъ берегу рѣки, а рѣка преширокая; только что мы расположились, палатки поставили, идутъ къ намъ множество мужиковъ, вся деревня, валяются въ ноги, плачутъ, просятъ: спасите насъ! сегодня къ намъ подкинули письмо; разбойники хотятъ къ намъ пріѣхать, насъ всѣхъ побить до смерти, а деревню сжечь; помогите вы намъ! у васъ есть ружья; избавьте насъ отъ напрасной смерти, намъ оборониться нечѣмъ; у насъ кромѣ топоровъ ничего нѣтъ, здѣсь воровское мѣсто; на этой недѣлѣ здѣсь въ сосѣдствѣ деревню совсѣмъ разорили; мужики разбѣжались, а деревню сожгли. Ахъ, Боже мой! какой же на меня страхъ пришелъ; боюсь до смерти разбойниковъ; прошу, чтобъ уѣхать оттудова; никто меня не слушаетъ. Всю ночь не спали, пули лили, ружья заряжали, и такъ готовились на драку; однако Богъ избавилъ насъ отъ той бѣды: можетъ быть, они и подъѣзжали водою, да побоялись, видя такой великій обозъ, или и не были. Чего же мнѣ эта ночь стоила! Не знаю, какъ я ее пережила; рада, что свѣту дождалась. Слава Богу! уѣхали.

И такъ, мы три недѣли путались и пріѣхали въ свои деревни, которыя были на половинѣ дороги, гдѣ намъ опредѣлено было жить.

Пріѣхавши, мы расположились на нѣсколько время прожить, отдохнуть намъ и лошадямъ; я очень

рада была, что въ свою деревню пріѣхали *). Казна моя уже очень истончала; думала, что моимъ расходамъ будетъ перемѣна, не все буду покупать, по крайней мѣрѣ сѣна лошадямъ не куплю; однако я недолго объ этомъ думала; не больше мы трехъ недѣлей тутъ прожили; паче чаянія нашего вдругъ ужасное нѣчто насъ постигло. Только что мы отобѣдали — въ эвтомъ селѣ домъ господскій, и окна были на большую дорогу: — взглянула я въ окно, вижу пыль великую по дорогѣ; видно изъ далека, что очень много ѣдутъ и очень скоро бѣгутъ. Когда стали подъѣзжать, видно, что все телѣги парами, позади коляска (два неразобранныхъ слова); всѣ наши бросились смотрѣть; увидѣли, что прямо къ нашему дому ѣдутъ; въ коляскѣ офицеръ гвардіи, а по телѣгамъ солдаты, двадцать четыре человѣка. Тотчасъ узнали мы свою бѣду, что еще ихъ злоба на насъ не умаляется, а больше умножается. Подумайте, что я тогда была! Упала на стулъ; а какъ опомнилась, увидѣла полны хоромы солдатъ. Я уже ничего не знаю, что они объявили свекру; а только помню, что я ухватилась за своего мужа и не отпускаю отъ себя; боялась, чтобъ меня съ нимъ не разлучили. Великій плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ; можно ли ту бѣду описать? Я не могу ни у кого допроситься, что будетъ съ нами, не разлучатъ ли насъ. Великая сдѣлалась тревога; домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ, всѣ хотятъ быть съ ними неразлучно; женщины, какъ есть слабыя сердца, тѣ кричатъ, плачутъ. Боже мой, какой это ужасъ! Кажется бы и варваръ, глядя на это жалкое позорище, умилосердился. Насъ уже на квартиру не отпущаютъ; какъ я и прежде писала, что мы вездѣ на особливыхъ квартирахъ стояли, такъ не помѣстились въ одномъ домѣ; мы стояли у мужика на дворѣ, а спальня наша была сарай, гдѣ сѣно кладутъ. Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штыки. Боже мой, какой это страхъ! Я отъ роду ничего подобнаго этому не видала и не слыхала. Велѣли наши командиры кареты задавать; видно, что хотятъ насъ

---

[1]) Село Селище, въ 6 верстахъ отъ Касимова.

везти, да не знаемъ куда. Я такъ ослабѣла отъ страху, что на ногахъ не могу стоять.

Войдите въ мое состояніе, каково мнѣ тогда было! Только меня и поободряло, что онъ со мною, и всѣ, видя меня въ таковомъ состояніи, увѣряютъ, что съ нимъ неразлучна буду. Я бы хотѣла самого офицера спросить, да онъ со мною не говоритъ, кажется неприступный; придетъ ко мнѣ въ горницу, гдѣ я сижу, поглядитъ на меня, плечами пожметъ, вздохнетъ, и, прочь пойдетъ, а я спросить его не осмѣлюсь.

Вотъ уже къ вечеру велятъ намъ въ кареты садиться и ѣхать. Я уже опомнилась и стала просить, чтобъ меня отпустили на квартиру собраться; офицеръ дозволилъ. Какъ я пошла, и два солдата за мною; я не помню, какъ меня мой мужъ довелъ до сарая того, гдѣ мы стояли. Хотѣла я съ нимъ поговорить и свѣдать, что съ нами дѣлается; а солдатъ тутъ, ни пяди отъ насъ не отстаетъ; подумайте, какое жалостное состояніе! И такъ, я ничего не знаю, что далѣе съ нами будетъ. Мои домашніе собрались; я уже ничего не знаю; они сѣли въ карету и поѣхали; рада я тому, что я одна съ нимъ, можно мнѣ говорить, а солдаты всѣ за нами поѣхали. Тутъ уже онъ мнѣ сказалъ: офицеръ объявилъ, что велѣно васъ подъ жестокимъ карауломъ везти въ дальніе городы, а куда — не велѣно сказывать. Однако, свекоръ мой умилостивилъ офицера и привелъ его на жалость; сказалъ: что насъ везутъ въ островъ (городъ Березовъ), которой состоитъ отъ столицы четыре тысячи верстъ и больше, и тамъ насъ подъ жестокимъ карауломъ содержать, къ намъ никого не допущать, ни насъ никуда, кромѣ церкви; переписки ни съ кѣмъ не имѣть, бумаги и чернилъ намъ не давать. Подумайте, каковы мнѣ эти вѣсти; первое, лишилась дому своего и всѣхъ родныхъ своихъ оставила; я же не буду и слышать объ нихъ, какъ они будутъ жить безъ меня; братъ меньшій мнѣ былъ, который меня очень любилъ; сестры маленькія остались. О, Боже мой, какая это тоска пришла! Жалость, сродство, кровь вся закипѣла отъ несносности. Думаю я, уже никого не увижу своихъ, буду жить въ странствіи; кто мнѣ поможетъ въ напастяхъ моихъ, когда они не будутъ и вѣдать обо мнѣ, гдѣ я; когда я ни съ кѣмъ не буду корешпонденціи

имѣть, или переписки; хотя я какую нужду ни буду терпѣть, руки помощи никто мнѣ не подастъ; а можетъ быть, имъ такъ скажутъ, что я уже умерла, что меня и на свѣтѣ нѣтъ; они только поплачутъ и скажутъ: лучше ей умереть, а не цѣлый вѣкъ мучиться! Съ этими мыслями ослабѣли всѣ мои чувства, онѣмѣли, а послѣ полились слезы.

Мужъ мой очень испужался и жалѣлъ послѣ, что мнѣ сказалъ правду; боялся, чтобъ я не умерла; истинная его ко мнѣ любовь принудила духъ свой стѣснять и утаевать эту тоску, и перестать плакать; и должна была его еще подкрѣплять, чтобъ онъ себя не сокрушилъ: онъ всего свѣту дороже былъ. Вотъ любовь до чего довела: все оставила, и честь, и богатство, и сродниковъ, и стражду съ нимъ, и скитаюсь; этому причина — все непорочная любовь, которой я не постыжусь ни передъ Богомъ, ни передъ цѣлымъ свѣтомъ, потому что онъ одинъ въ сердцѣ моемъ былъ; мнѣ казалось, что онъ для меня родился и я для него, и намъ другъ безъ друга жить нельзя. И по сей часъ въ одномъ разсужденіи, и не тужу, что мой вѣкъ пропалъ; но благодарю Бога моего, что Онъ мнѣ далъ знать такого человѣка, который того стоилъ, чтобъ мнѣ за любовь жизнію своею заплатить, цѣлый вѣкъ странствовать и великія бѣды сносить, могу сказать, безпримѣрныя бѣды. Послѣ услышите, ежели слабость моего здоровья допуститъ всѣ мои бѣды описать.

И такъ, насъ довезли до города (Касимова). Я вся расплакана; свекоръ мой очень испужался, видя меня въ таковомъ состояніи; однако говорить было нельзя, потому что офицеръ самъ тутъ съ нами и унтеръ-офицеръ; поставили насъ уже вмѣстѣ, а не на розныхъ квартирахъ, и у дверей поставили часовыхъ, примкнуты штыки.

Тутъ мы жили съ недѣлю, покамѣстъ изготовили судно, на чемъ насъ везти водою. Для меня все это ужасно было; должно было молчаніемъ покрывать. Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время проживемъ; однако, не такъ сдѣлалось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; од-

нако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безчастное судно, на которомъ насъ повезутъ; все тамъ прибирала, стѣны обивала, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильонъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала.

Пришелъ тотъ горестный день, какъ намъ надобно ѣхать; людей намъ дали для услугъ 10 человѣкъ; а женщинъ на каждую персону по человѣку, всѣхъ пять человѣкъ. Я хотѣла свою дѣвку взять съ собою, однако золовки мои отговорили; для себя включили въ то число свою; а мнѣ дали дѣвку, которая была помощницей у прачекъ, ничего сдѣлать не умѣла, какъ только платье мыть; принуждена я имъ въ томъ была согласиться. Дѣвка моя плачетъ, не хочетъ отъ меня отстать; я уже ее просила, чтобъ она мнѣ больше не скучала; пускай такъ будетъ, какъ судьба опредѣлила. И такъ, я хорошо собралась; ниже рабы своей не имѣла, денегъ ни полушки; сколько имѣла при себѣ оная моя воспитательница денегъ, мнѣ отдала; сумма не очень велика была — шестьдесятъ рублевъ; съ тѣмъ я и поѣхала. Я уже не помню, пѣшкомъ ли мы шли до судна, или ѣхали; недалеко рѣка была отъ дому нашего; пришло мнѣ тутъ разставаться съ своими, потому что дозволено было имъ насъ проводить. Вошла я во свой каютъ; увидѣла какъ онъ прибранъ; сколько можно было, помогала моему бѣдному состоянію; пришло мнѣ вдругъ ее благодарить за ея ко мнѣ любовь и воспитаніе, тутъ же и прощаться, что я уже ее въ послѣдній разъ вижу; ухватились мы другъ другу за шеи, и такъ руки мои замерли, и я не помню, какъ меня съ нею растащили. Опомнилась я въ каютѣ, или въ чуланѣ; лежу на постелѣ, и мужъ мой надо мной стоитъ, за руку держитъ, нюхать спиртъ даетъ; я вскочила съ постели, бѣгу вверхъ, думаю, еще хотя разъ увижу — ниже мѣста того знать: далеко уплыли. Тогда я потеряла перло жемчужное, которое было у меня на рукѣ, знать я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась; да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится. Такъ я и осталась одна, всѣхъ лишилась для одного человѣка. И такъ мы плыли всю ту ночь.

На другой день сдѣлался великій вѣтеръ, буря

на рѣкѣ, громъ, молнія; гораздо звончѣе на водѣ, нежели на землѣ; а я съ природы грому боюсь. Судно вертитъ съ боку на бокъ: какъ громъ грянетъ, то и попа̀даютъ люди. Золовка меньшая, очень боялась, та плачетъ и кричитъ. Я думала свѣту преставленіе! Принуждены были къ берегу пристать. И такъ всю ночь въ страхѣ безъ сна препроводили. Какъ скоро разсвѣло, погода утихла, мы поплыли въ путь свой, и такъ мы три недѣли ѣхали водою; когда погода тихая, я тогда сижу подъ окошкомъ въ своемъ чуланѣ; когда плачу, когда платки мою – вода очень близка; а иногда куплю осетра, и на веревку его; онъ со мною рядомъ плыветъ, чтобъ не я одна невольница была и осетръ со мною; а когда погода станетъ вѣтромъ судно шатать, тогда у меня станетъ голова болѣть и тошниться; тогда выведутъ меня на верхъ на палубу и положатъ на вѣтру; и я до тѣхъ поръ безъ чувства лежу, покамѣстъ погода утихнетъ и покроютъ меня шубою: на водѣ вѣтры очень проницательны. Иногда и онъ для компаніи подлѣ меня сидитъ. Какъ пройдетъ погода, отдохну; только ѣсть ничего не могла, все тошнилось.

Однажды что съ нами случилось: погода жестокая поднялась, а знающаго никого нѣтъ, кто-бъ зналъ, гдѣ глубь, гдѣ мель, и гдѣ можно пристать, ничего никто не знаетъ, а такъ все мужики набраны изъ сохи, плывутъ куда вѣтеръ несетъ, а темно ужъ становится, ночь близка, не могутъ нигдѣ пристать къ берегу, погода не допускаетъ; якорь бросили середи рѣки въ самую глубь: якорь оторвало. Мой сострадалецъ меня тогда не пустилъ наверхъ; боялся, чтобъ въ этомъ шумѣ меня не задавили; люди и работники всѣ по судну бѣгаютъ: кто воду выливаетъ, кто якорь привязываетъ, и такъ всѣ въ работѣ. Вдругъ нечаянно притянуло наше судно въ заливъ; ничто не успѣло; я слышу, что сдѣлался великій шумъ, а не знаю что. Я встала посмотрѣть: наше судно стоитъ какъ въ ящикѣ, между двухъ береговъ. Я спрашиваю, гдѣ мы, никто сказать не умѣетъ, сами не знаютъ: на одномъ берегу все березникъ, такъ, какъ надобно рощѣ не очень густой: стала эта земля осѣдать и съ лѣсомъ нѣсколько саженъ опускаться въ рѣку, или въ заливъ, гдѣ мы стоимъ; и такъ ужасно лѣсъ за-

шумитъ подъ самое наше судно; и такъ насъ кверху подыметъ, и насъ въ тотъ ущербъ втянетъ. И такъ было очень долго; думали все, что мы пропали; и командиры наши совсѣмъ были готовы спасать свой животъ на лодкахъ, а насъ оставить погибать. Наконецъ уже столько много этой земли оторвало, что видна стала за оставшей малою самою частію земли вода; надобно думать, что озеро; когда-бъ еще этотъ остатокъ оторвало, то надобно-бъ намъ въ томъ озерѣ быть. Вѣтеръ преужасный тогда былъ; думаю, чтобъ намъ тогда конецъ былъ, когда-бъ не самая милость Божія поспѣшила. Вѣтеръ сталъ утихать, землю перестало рвать, и мы избавились той бѣды, выѣхали на свѣту на свой путь, изъ онаго заливу въ большую рѣку пустились. Этотъ водяной путь много живота моего унесъ. Однако все переносила, всякіе страхи, потому что еще не конецъ моимъ бѣдамъ былъ; на бо̀льшія готовилась, для того меня Богъ и подкрѣплялъ.

Доѣхали мы до города (Соликамска), гдѣ надобно намъ выгружаться на берегъ и ѣхать сухимъ путемъ; я была и рада, думала такихъ страховъ не буду видѣть; послѣ узнала, что мнѣ нигдѣ лучшаго нѣтъ: не на то меня судьба опредѣлила, чтобъ покоиться! Какая же это дорога? Триста верстъ должно было переѣхать горами, верстъ по пяти на горы и съ горы также; они же какъ усыпаны дикимъ камнемъ, а дорожка такая узкая, въ одну лошадь только впряжено, что называется гусемъ, потому что по обѣ стороны рвы; ежели въ двѣ лошади впрячь, то одна другую въ ровъ спихнетъ; оные же рвы лѣсомъ обросли. Не можно описать, какой они вышины; какъ взъѣдешь на самый верхъ горы, и посмотришь по сторонамъ — неизмѣримая глубина; только видны однѣ вершины лѣсу, все сосна да дубъ; отъ роду такого высокаго и толстаго лѣсу не видала. Это каменная дорога; я думала, что у меня сердце оторветъ; сто разъ я просилась: дайте отдохнуть! Никто не имѣетъ жалости; а спѣшатъ какъ можно наши командиры, чтобъ домой возвратиться; а надобно ѣхать по цѣлому дню, съ утра до ночи, потому что жилья нѣтъ, а черезъ сорокъ верстъ поставлены маленькіе домики для пристанища проѣзжавшимъ и для корму лошадямъ. Что случилось? Одинъ

день весь шелъ дождь и такъ насъ вымочилъ, что какъ мы вышли изъ колясокъ, то съ головы и до ногъ съ насъ текло, какъ изъ рѣки вышли; коляски были маленькія, кожи всѣ промокли, закрыться нечѣмъ; да и, пріѣхавши на квартиру, обсушиться негдѣ, потому что одна только хижина, а фамилія наша велика, всѣ хотятъ покою. Со мною и тутъ несчастье пошутило. Повадка или привычка прямо ходить; меня за то смалу били: ходи прямо, притомъ же и росту я немалаго была: какъ только въ ту хижину вошла, гдѣ намъ ночевать, только черезъ порогъ переступила, назадъ упала, ударилась объ матицу, она была очень низка, такъ крѣпко, что я думала, что съ меня голова спала. Мой товарищъ испужался: думалъ, я умерла; однако молодость лѣтъ все мнѣ сносить помогала, всякія бѣдственныя приключенія; а бѣдная свекровь моя такъ простудилась отъ этой мокроты, что и руки и ноги отнялись, и черезъ два мѣсяца животъ свой окончила. Не можно всего описать, сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла: пускай бы я одно въ страданіи была, товарища своего не могу видѣть безвинно-страждущаго.

Сколько мы въ этой дорогѣ были недѣль — не упомню. Доѣхали до провинціальнаго города того острова, гдѣ намъ опредѣлено жить. Сказали намъ, что путь до того острова водою и тутъ будетъ перемѣна; офицеръ гвардейскій поѣдетъ возвратно, а насъ препоручатъ тутошняго гарнизона офицеру, съ командою 24 человѣка солдатъ. Жили мы тутъ недѣлю, покамѣстъ исправили судно, на которомъ намъ ѣхать, и сдавали насъ съ рукъ на руки какъ арестантовъ. Это столько жалко было, что и каменное сердце умягчилось; плакалъ очень при разставаніи офицеръ и говорилъ: теперь-то вы натерпитесь всякаго горя; эти люди необычайные; они съ вами будутъ поступать, какъ съ подлыми, никакого снисхожденія отъ нихъ не будетъ. И такъ, мы всѣ плакали, будто съ сродникомъ разставались. По крайней мѣрѣ привыкли къ нему; какъ ни худо было, да онъ насъ зналъ въ благополучіи, такъ нѣсколько совѣстно было ему сурово съ нами поступать. Какъ исправились съ судномъ, новой командиръ повелъ насъ на судно; процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ

за разбойниками. Я уже шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ премножество по той улицѣ, гдѣ насъ ведутъ. Пришли мы къ судну; я ужаснулась, какъ увидѣла, великая розница съ прежнимъ; отъ небреженія дали самое негодное, худое; такъ по имени нашему и судно; хотя бы на другой день пропа́сть; какъ мы тогда назывались арестанты, иного имени не было; — что уже въ свѣтѣ этого титула хуже? Такое намъ и почтеніе! Все судно изъ пазовъ доски вышли; насквозь дыры свѣтятся; а хотя немножко вѣтеръ, такъ все судно станетъ скрыпѣть; оно же черное, закоптѣлое; какъ работники раскладывали въ немъ огонь, такъ оно и осталось, самое негодное, никто бы въ немъ не поѣхалъ. Оно было отставное, опредѣлено на дрова; да какъ очень заторопили, не смѣли долго насъ держать, какое случилось, такое и дали; а можетъ быть и нарочно приказано было, чтобъ насъ утопить; однако, какъ не воля Божія, доплыли до показаннаго мѣста живы.

Принуждены были новому командиру покоряться; всѣ способы искали, какъ бы его приласкать; не могли найтить, да въ комъ и найтить? Дай Богъ и горе терпѣть, да съ умнымъ человѣкомъ! Какой этотъ глупый офицеръ былъ: изъ крестьянъ да заслужилъ чинъ капитанскій; онъ думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и, сколько можно, надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ. Ему казалось подло съ нами и говорить; однако со всею своею спѣсью ходилъ къ намъ обѣдать. Изобразите это одно, сходственно ли съ умнымъ человѣкомъ, въ чемъ онъ хаживалъ: епанча солдатская на одну рубашку да туфли на босу ногу, и такъ съ нами сидитъ? Я была всѣхъ моложе и не воздержна; не могу терпѣть, чтобъ не смѣяться, видя такую смѣшную позитуру; онъ это видя, что я ему смѣюсь, или то удалось ему примѣтить, говоритъ, смѣяся: „теперь счастлива ты, что у меня книги сгорѣли, а то бы съ тобою сговорилъ!“ Какъ мнѣ ни горько было, только я старалась его больше ввести въ разговоръ; только больше онъ мнѣ ничего не сказалъ. Подумайте, кто намъ командиръ былъ и кому были препоручены, чтобъ онъ усмотрѣлъ, когда-бъ мы что намѣрены были сдѣлать. Чего они боялись? Чтобъ мы не ушли? Ему ли смотрѣть? Насъ

не караулъ ихъ держалъ, а держала насъ невинность наша; думали, что со временемъ осмотрятся и возвратятъ насъ въ первое наше состояніе. Притомъ же мѣшало много, и фамилія очень велика была. И такъ, мы съ этимъ глупымъ командиромъ плыли цѣлый мѣсяцъ до того города, гдѣ намъ жить...

На этомъ прерывается связный разсказъ княгини по подлинной рукописи ея „Записокъ". Дальнѣйшія строки, написанныя, повидимому, позднѣе, заключаютъ въ себѣ рядъ повтореній описаннаго выше пути княгини, частью въ буквальныхъ выраженіяхъ, а частью съ нѣкоторыми отступленіями. Такъ, напр., описывая путь по горамъ, княгиня добавляетъ: „Всякій разъ, что на камень колесо взъѣдетъ и съѣдетъ, то меня въ коляскѣ ударитъ что, такъ больно треснетъ, кажется будто сердце оторвалось".

Послѣ этого разсказывается про бурю, загнавшую судно, на которомъ ѣхала княгиня, въ заливъ. „Тогда-то я думала, что свѣту преставленіе, не знала что дѣлать, ни лежать, ни сидѣть не могла, только Господь милосердіемъ своимъ спасъ нашъ животъ. У работниковъ была икона Николая Чудотворца, которую вынесли на палубу и стали молиться: тотъ же часъ сталъ вѣтеръ утихать и землю перестало рвать, и такъ насъ Богъ вынесъ".

Слѣдующія за описаніемъ бури строки, касающіяся жизни Долгорукихъ въ Березовѣ, приводимъ полностью:

„Съ апрѣля по сентябрь были въ дорогѣ. Всего много было: великіе страхи, громы, молніи, вѣтры чрезвычайные! Съ такимъ трудомъ довезли насъ въ маленькой городокъ, который сидитъ на острову; кругомъ вода, жители въ немъ самый подлый народъ, ѣдятъ рыбу сырую, ѣздятъ на собакахъ, носятъ оленьи кожи: какъ съ него сдерутъ не разрѣзавши брюха, такъ и надѣнутъ, переднія ноги вмѣсто рукавовъ; избы кедровыя, окончины ледяныя, вмѣсто стекла; зимы 10 мѣсяцевъ или 8; морозы несносные, ничего не родится, ни хлѣба, никакого фрукту — ниже капусты. Лѣса непроходимые да болоты, хлѣбъ привозятъ водою за тысячу верстъ. До такого мѣстечка до-

ѣхали, что ни пить, ни ѣсть, ни носить нечего. Ничего не продаютъ, ниже калача; тогда я плакала, для чего меня рѣки не утопили или не залили! Не можно жить въ такомъ дурномъ мѣстѣ. Не можно всего страданія моего описать и бѣдъ, сколько я ихъ перенесла. Что всего тошнѣе было — для кого пропала? И всѣ эти напасти несла и что въ свѣтѣ милѣе было, тѣмъ я не утѣшилась, а радость моя была съ горестью смѣшана всегда: былъ боленъ отъ несносныхъ бѣдъ, источники его глазъ не пересыхали. Жалость его сердце съѣдала: видѣвъ меня въ такомъ жалкомъ состояніи, молитва его предъ Богомъ была неусыпная; постъ и воздержаніе нелицемѣрные; милостыня всегдашняя, не отходилъ отъ него просящій никогда тощъ; правило имѣлъ монашеское, безпрестанно въ церкви, всѣ посты пріобщался Святыхъ Таинъ и всю свою печаль возверзилъ на Бога; злобы ни на кого не имѣлъ, никому зла не помнилъ и всю свою бѣдственную жизнь препроводилъ христіански и въ заповѣдяхъ Божіихъ; и ничего на свѣтѣ не просилъ у Бога какъ только Царствія Небеснаго, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Я не постыжусь описать его добродѣтели, потому что я не лгу. Не дай Богъ что написать неправильно; я сама себя тѣмъ утѣшаю, когда вспомню всѣ его благородные поступки, и счастливою себя считаю, что я его ради себя потеряла, безъ принужденія, изъ своей доброй воли. Я все въ немъ имѣла: и милостиваго мужа, и отца, и учителя, и старателя о счастіи моемъ. Онъ меня училъ Богу молиться, училъ меня къ бѣднымъ милостивою быть; принуждалъ милостыню давать, всегда книги читалъ, Святое Писаніе, чтобъ я знала Слово Божіе; всегда твердилъ о незлобіи, чтобъ никому зла не помнила. Онъ фундаментъ всему благополучію теперешнему, то есть мое благополучіе, что я во всемъ согласуюсь съ волей Божіей и всѣ текущія бѣды несу съ благодареніемъ; онъ положилъ мнѣ въ сердцѣ за все благодарить Бога. Онъ рожденъ былъ въ натурѣ ко всякой добродѣтели склонной, хотя въ роскошахъ и жилъ яко человѣкъ, только никому зла не сдѣлалъ и никого ничѣмъ не обидѣлъ, развѣ что нечаянно“.

И. И. Козловъ.

1799—1840.

КНЯГИНЯ
НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА ДОЛГОРУКАЯ.

(*Посвящено В. А. Жуковскому*).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Nessun maggior dolore,
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria.
Dante V.

I.

Большой Владимірской дорогой,
Въ одеждѣ сельской и убогой,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ,
Шла тихо путница младая;
Въ усталомъ взорѣ тайный страхъ.
„Какъ быть? Москва въ семи верстахъ;
Дорога межъ холмовъ лѣсная;
А въ полѣ дымномъ тѣнь ночная
Ужъ скоро ляжетъ; и луна
Лишь въ полночь на небѣ видна“.

II.

Она идетъ и сердце бьется;
Поляна съ рощей передъ ней,
И вотъ въ село тропинка вьется:
Она туда дойдетъ скорѣй;
Ночлегъ радушный тамъ найдется.

Уже, пылая между тучъ,
Зари багровой гаснетъ лучъ,
Уже предъ ночью, къ бурѣ склонной,
Поднялся вѣтеръ, боръ шумитъ;
Ея младенецъ полусонный
Озябъ, и плачетъ, и дрожитъ.
Она спѣшитъ въ пріютъ укромный.
Подходитъ скоро къ рощѣ темной,
Но, чѣмъ-то вдругъ поражена,
Стоитъ уныла и блѣдна.
Въ ея очахъ недоумѣнье;
Ей будто страшно то селенье;
Нейдетъ въ него, нейдетъ назадъ,
Кругомъ обводитъ робкій взглядъ.
„О, если тамъ!... А мнѣ таиться
Велитъ судьба... быть можетъ... нѣтъ!
Кому узнать!... и сколько лѣтъ!
Забыто все; но вечеръ тмится,
Пора!“ И къ рощѣ съ быстротой
Приблизилась, остановилась,
Подумала, перекрестилась,
Потомъ пошла махнувъ рукой,
И скрылася въ тѣни густой.

III.

За рощей темною въ долинѣ,
При зѐркальной пруда равнинѣ,
Вельможи знатнаго село
Красой привѣтною цвѣло;
Высокихъ липъ въ тѣни зеленой
Хоромы барскія стоятъ;
Онѣ видъ древности хранятъ;
Въ гербѣ, подъ графскою короной,
Щитъ красный въ полѣ золотомъ,
Лавровымъ окруженъ вѣнкомъ
Съ двумя блестящими крестами,
А въ полѣ свѣтломъ мечъ съ копьемъ,
И полумѣсяцъ вверхъ рогами.
Но садъ, и воды, и мосты,
И розъ душистые кусты
Въ забвеньи долгомъ сиротѣли;
Хозяинъ, честь страны родной,

Давно лежитъ въ землѣ сырой;
Его хоромы опустѣли,
Широкій дворъ заросъ травой.
Простясь съ родимою Москвою,
Въ столицѣ пышной надъ Невою
Живетъ наслѣдникъ молодой;
А здѣсь одни воспоминанья
Во мракѣ сельской тишины,
И рода знатнаго преданья...
Священный отзывъ старины.

IV.

У церкви сельской за оградой,
Въ уютномъ домикѣ своемъ,
Въ кругу семьи, предъ тихомъ сномъ,
Дыша вечернею прохладой,
Священникъ у окна сидѣлъ;
Онъ въ думѣ набожной смотрѣлъ,
Какъ на закатѣ догорая,
Багряный блескъ смѣнялся тьмой:
Такъ ясно жизнь его святая
Клонилась къ сѣни гробовой.
Давно украшенъ сѣдинами,
Небесный житель на землѣ,
У Шереметева въ селѣ,
Онъ сердцемъ, словомъ и дѣлами,
Творцу и ближнему служилъ;
Умъ здравый съ дѣтской простотою
Былъ свѣтелъ праведной душою;
Покойный графъ его любилъ;
И прахъ владѣльца незабвенный
Былъ святъ душѣ его смиренной;
Для старца графъ не умиралъ.
Онъ часто, часто поминалъ
Его богатство, знатность рода,
Какъ онъ со шведомъ воевалъ,
И, послѣ шумнаго похода,
Въ тиши села у нихъ живалъ.

V.

Но, полонъ важности старинной,
Святого старца кротокъ видъ;
На немъ подрясникъ объяринный,

И катауръ широкій шитъ
Узорно яркими шелками,
И на груди его виситъ
Изъ кипариса крестъ съ мощами,
Хранитель вѣрный съ давнихъ поръ:
Одинъ монахъ, съ Аѳонскихъ горъ,
Тотъ крестъ принесъ. Его обитель
Была убога и скромна
И какъ ея радушный житель,
Какой-то святости полна:
Въ углу, въ серебряномъ окладѣ
Икона Спасова блеститъ
И передъ ней огонь горитъ,
Въ хрустальной на цѣпяхъ лампадѣ;
На полкѣ рядъ церковныхъ книгъ,
Бумага, перья подлѣ нихъ,
У зеркала часы стѣнные,
Портретъ, задернутый тафтой,
Двѣ канарейки выписныя,
И полотенце съ бахромой
Виситъ на вербѣ восковой.

VI.

Уже готовъ итти молиться,
Да снидетъ тихъ грядущій сонъ,
Бесѣды Златоуста онъ
Хотѣлъ закрыть; но вдругъ стучится
Легонько кто-то у воротъ,
И кто-то на крыльцо идетъ,
И дверь шатнулась: у порога
Съ младенцемъ путница стоитъ,
И голосъ жалобный дрожитъ,
Прося ночлега ради Бога.

VII.

„Войди подъ мой убогій кровъ",
Сказалъ онъ ей, „пора ночная,
Кругомъ все лѣсъ, ночлегъ готовъ
И есть у насъ хлѣбъ-соль простая;
Переночуй, ты съ новымъ днемъ
Пойдешь опять своимъ путемъ".
И старецъ мать благословляетъ,
Младенца соннаго креститъ,

И къ огоньку ее сажаетъ,
И съ ней привѣтно говоритъ;
Но, и блѣдна, и боязлива,
Она сидѣла молчалива;
На рѣчь привѣтную его
Полу-словами отвѣчала,
И лишь младенца своего
Со вздохомъ къ сердцу прижимала;
Украдкою бросая взглядъ
На барскій домъ, на темный садъ,
Какъ будто узнавала что-то,
Какъ бы искала тамъ кого-то;
И вдругъ, то пламень на щекахъ,
То слезы крупныя въ очахъ.

VIII.

Души встревоженной волненье.
Порывы томные страстей,
Ея печаль, ея смятенье
Замѣтилъ онъ: и старца въ ней
Дивило все. „Не та осанка,
Не тѣ ухватки въ деревняхъ;
Видна не грубая крестьянка
Въ ея застѣнчивыхъ рѣчахъ;
Въ ней горесть тихая пріятна;
Но хоть бѣдна, но какъ опрятна
Одежда путницы простой!
На пальцѣ перстень золотой...
Куда-жъ теперь не въ часъ урочный
Одна дорогою большой?...
Ахъ, нѣтъ, какъ ангелъ непорочный
Она глядитъ, и за нее
Порукой сердце мнѣ мое“.

IX.

И чувствамъ тяжкимъ и мятежнымъ
Онъ мнилъ преграду положить,
И съ горемъ, въ жизни неизбѣжнымъ,
Ее невольно помирить.
Онъ, какъ родной, ее ласкаетъ,
И веселитъ, и начинаетъ

Разсказъ любимой старины;
Но сердце полное волненій,
Чуждалось новыхъ впечатлѣній,
И думы, грустью стѣснены
Далеко, мрачныя, летали
И межъ сомнѣній замирали.
Священникъ рѣчь свою прервалъ,
И вдругъ, съ душой отца во взорѣ,
Вздохнувши самъ, онъ ей сказалъ:
„Что такъ задумалась? Ты въ горѣ?"

ПУТНИЦА.

Я, мой отецъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Твоя тоска,
Повѣрь, душѣ моей близка;
Въ томъ нужды нѣтъ, что я не знаю
Кто ты; мой долгъ того любить,
Кто въ горѣ.

ПУТНИЦА.

Ахъ, мнѣ тяжко жить!
Я день безъ радости встрѣчаю,
Я плачу ночь.

СВЯЩЕННИКЪ.

Лукавый свѣтъ
Обманчивъ, другъ!

ПУТНИЦА.

И сколько бѣдъ
Уже сбылось, и сколькихъ снова
Должна я ждать, и какъ сурова...

СВЯЩЕННИКЪ.

Такъ Богъ велѣлъ; предъ Нимъ смирись,
Прими съ любовью крестъ тяжелый,
Терпи, надѣйся и молись;
Онъ Самъ носилъ вѣнецъ терновый;
Не унывай, не смѣй роптать,
Терпи—въ страданьи благодать!

ПУТНИЦА.

Отецъ ты мой! Въ ужасной долѣ
Кто ропотъ слышалъ отъ меня?
Теперь дрожу не за себя,
И слезы льются поневолѣ.

СВЯЩЕННИКЪ.

Не бойся воли дать слезамъ;
Но только, слезы проливая,
Стреми взоръ грустный къ небесамъ;
Кто плачетъ здѣсь, утѣшенъ тамъ.
Сказалъ Господь.

ПУТНИЦА.

О, рѣчь святая!
Отрадна ты..

СВЯЩЕННИКЪ.

И гдѣ же тотъ,
Кто жизнь безъ горя проживетъ!
Твои, мой другъ, младые годы
Не расцвѣли отъ непогоды;
Но ты, какъ видно, рождена
Въ семьѣ безвѣстной; ты бѣдна;
Тебя судьба не баловала,
Къ веселой участи она
Ничѣмъ тебя не пріучала;
А часто гибельный ударъ
Надежды знатныхъ разрушаетъ...
О нашемъ графѣ кто не знаетъ?
Онъ былъ—бояринъ межъ бояръ,
Петровой правою рукою,
И прямо русскою душою
Отчизну и царя любилъ;
Былъ славенъ; въ золотѣ ходилъ;
И что же? Дочь его родная
Не знаетъ радости земной
И гибнетъ въ бурѣ роковой,
Какъ гибнетъ травка полевая...
Суди-жъ, дивна-ль судьба твоя?
Она была не ты.

ПУТНИЦА.

Не я!

СВЯЩЕННИКЪ.

Давно отъ насъ она ужъ скрылась;
Но все живетъ въ душѣ моей.
Я разскажу тебѣ о ней:
Почти при мнѣ она родилась,
Я на рукахъ ее носилъ,
Ребенкомъ грамотѣ училъ,
И здѣсь, куда, мой другъ, ни взглянешь,
Вездѣ о ней, вездѣ помянешь.
Вотъ тамъ, въ тѣни густыхъ березъ,
Ты видишь кустъ махровыхъ розъ:
Она сама его садила;
Онѣ цвѣтутъ... ее одну
Печаль такъ рано сокрушила;
Она одна свою весну
Отъ нихъ далеко погубила.
Теперь я вижу, есть у насъ
Какой-то въ сердцѣ вѣщій гласъ:
Она, забавы убѣгая,
Въ шуму роскошнаго села.
Тиха, задумчива росла,
Какъ будто горя ожидая,
Покорна будущей судьбѣ.
Могу-ль я выразить тебѣ
Весь жаръ усердія святого
Сыскать, утѣшить нищету?
Въ слезахъ ли видитъ сироту:
Родная бѣдствія чужого,
Она отдать готова ей
Свои сережки изъ ушей
И, сверхъ подарка дорогого,
Бывало, плачетъ вмѣстѣ съ ней.
Съ невинной, нѣжною тоскою
Въ ея плѣнительныхъ чертахъ
Сливался непонятный страхъ,
И что-то схожее съ тобою
Въ ней было: такъ, лицо твое
Напоминаетъ мнѣ ее;
Рѣсницы, какъ у ней, густыя,
И очи темно-голубыя,

И цвѣтъ каштановыхъ волосъ;
Она была тебя стройнѣе
И воска яраго бѣлѣе;
Не диво: солнце и морозъ
Ея въ поляхъ не заставали,
Полоть и жать не посылали,
И одѣвалъ красивый станъ
Не твой кумачный сарафанъ.

X.

И дружно путницѣ смятенной
Священникъ руку протянулъ,
И ярко взоръ его блеснулъ,
Воспоминаньемъ оживленный.
Онъ разсказалъ о той порѣ,
Когда ей радость ложно снилась,
И какъ звѣздою при дворѣ
Въ семнадцать лѣтъ она явилась.
Тогда чинами и красой,
Невѣсты царской братъ родной,
Сіялъ надменный Долгорукій;
Онъ межъ бояръ и межъ князей
Ея очамъ былъ всѣхъ милѣй.
Съ нимъ бракъ надежною порукой
Казался всѣмъ, что вѣчно ей
Не знать ни слезъ, ни скорбныхъ дней.
Невольно старецъ вздохъ тяжелый
Стѣснилъ и съ важностью веселой
Завелъ онъ рѣчь про ихъ сговоръ,
Какъ духовенство, пышный дворъ
Бояръ вельможныхъ посѣтили,
Какъ царь пріѣхалъ, какъ при немъ
Чету младую обручили,
И какъ восточнымъ жемчугомъ
Невѣсту милую дарили,
Межъ тѣмъ, прелестная, она
Стыдливо съ женихомъ сидѣла
И, тихой радости полна,
То улыбалась, то краснѣла;
А, другъ веселости живой,
Кругомъ шелъ кубокъ золотой,
Въ бесѣдѣ шумной и привѣтной,

И щитъ зажегся разноцвѣтный,
И хоръ гремѣлъ, и до утра
Народъ, толпясь, кричалъ: ура!

XI.

„И кто бы, кто подумалъ прежде“,
Такъ продолжалъ, вздохнувши, онъ,
„Что радость измѣнитъ надеждѣ,
Что счастье ихъ — минутный сонъ!
Неумолимая гробница
Схватила юнаго царя
Отъ двухъ вѣнцовъ, отъ алтаря;
Напрасно блещетъ багряница
И ждетъ княжна: всему конецъ...
Женихъ и царь уже мертвецъ!
Затмились вдругъ мечты златыя,
И Долгорукаго семья
Погибла съ нимъ; чины, друзья
Исчезли; степи ледяныя,
Изгнанья горестный предѣлъ,
Любимца падшаго удѣлъ;
Но, жизни узнавая цѣну,
Когда во всемъ онъ зрѣлъ измѣну,
Невѣста юная одна
Ему осталася вѣрна;
Его подругою, душою,
Съ нимъ въ ссылкѣ цѣлыхъ восемь лѣтъ
Она жила; но и съ женою
Онъ разлученъ...“

ПУТНИЦА.

И слуха нѣтъ
О немъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Я помню, какъ родные
Тогда давали ей совѣтъ:
Расторгнуть узы роковыя,
Покинуть друга своего.
И при дворѣ не трудно-бъ снова
Найти ей жениха другого.
„Нѣтъ, не покину я его“,

Она въ слезахъ имъ говорила;
„Я счастливымъ его любила,
Онъ и въ несчастьи все мнѣ милъ:
Самъ Богъ меня съ нимъ обручилъ".
Но ты, я вижу, улыбнулась
Такъ вѣрь, не вѣрь, ни вѣчныхъ слезъ,
Ни гордой мести, ни угрозъ
Ея любовь не ужаснулась.
На все съ нимъ вмѣстѣ рѣшена,
И въ даль, и хладъ. . .

ПУТНИЦА.

Она любила!
Не ссылка бѣдную убила;
Была разлука ей страшна!. .
Скажи, гдѣ онъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Какъ ты блѣдна!
Ты плачешь?

ПУТНИЦА.

Плачу!. . . Ахъ, она
О томъ лишь небо умоляла,
Чтобъ въ нищетѣ, въ глуши степной,
Но вмѣстѣ жизнь ихъ протекала,
Чтобъ счастье ихъ. . .

СВЯЩЕННИКЪ.

О сонъ пустой!
Имъ счастье, тамъ?

ПУТНИЦА.

Отецъ святой,
Не страшно съ другомъ заточенье:
Съ нимъ есть и въ горѣ наслажденье.

СВЯЩЕННИКЪ.

Въ степяхъ лишь тотъ привыкнетъ жить,
Кому здѣсь не о чемъ тужить;
Но ей, взлелѣянной на радость,
Откинуть свѣтлыя мечты,
Губить красу свою и младость

Подъ кровомъ душной нищеты!
Ей счастье... нѣтъ!

ПУТНИЦА.

Чѣмъ жертва болѣ
Тѣмъ пламенной душѣ милѣй
Сердечный спутникъ грустныхъ дней:
И межъ снѣговъ, и въ низкой долѣ,
Когда въ ихъ юртѣ кедръ пылалъ,
И другъ ей молча руку жалъ,
Когда дѣтей она ласкала,
Отъ ихъ младенческой игры
Когда душа въ ней расцвѣтала,
Ужель она не забывала
Москву и царскіе пиры
И всѣхъ забавъ очарованья?

СВЯЩЕННИКЪ.

Тебѣ какъ знать?

ПУТНИЦА.

Гдѣ онъ? что съ нимъ?
Иль ждать за гробомъ ей свиданья,
И въ небесахъ назвать своимъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Мы здѣсь въ тиши уединенья
И за нее, и за него
Льемъ къ небу жаркія моленья,
Но мы не знаемъ ничего.

ПУТНИЦА.

И не нашлося никого,
Кто-бъ защитилъ?

СВЯЩЕННИКЪ.

Гдѣ правый, сильный,
Кто-бъ за несчастье грудью сталъ?
О, еслибъ сонъ прервавъ могильный,
Бояринъ Шереметевъ всталъ!
Онъ злобу съ хитрой клеветою
Сразилъ бы истиной святою;
Онъ могъ изгнаннику помочь,
Онъ спасъ бы гибнущую дочь;
Но знай, и ты, ему чужая,

И ты, о, путница младая,
Когда-бъ онъ былъ еще въ живыхъ, —
Недаромъ здѣсь бы ночевала:
Повѣрь, — горючихъ слезъ твоихъ
При немъ бы ты не проливала,
И въ путь не нищею пошла
Изъ Шереметева села!

XII.

Онъ говорилъ, она дрожала,
Сказала что-то, замолчала,
Во взорѣ тмился Божій свѣтъ;
Но старецъ кажетъ на портретъ,
Который въ рамѣ золоченой
Задернутъ былъ тафтой зеленой;
Онъ снялъ тафту и молвилъ ей:
„Вотъ онъ, взгляни и пожалѣй!"
Написанъ кистью мастерскою,
За шпагу ухватясь рукою,
Въ мундирѣ, въ лентѣ голубой,
Фельдмаршалъ смотритъ, какъ живой.
Ей мнится, давняя могила
Подпору бѣдной возвратила;
Въ смятеньи робкомъ передъ нимъ
Она колѣна преклоняетъ,
Зоветъ его отцомъ своимъ,
Къ нему младенца поднимаетъ:
Казалось, взоръ ея молилъ,
Чтобъ сына онъ благословилъ.
Ей мнится, будто къ ней несется
Привѣтъ любви издалека:
Но вдругъ мятежная тоска
Съ порывомъ новымъ въ душу льется.
Волнуясь грозною мечтой,
Она свой перстень золотой
Къ устамъ, рыдая, прижимала
И распущенною косой
Лазурны очи отирала;
Невольный трепетъ, дикій взглядъ
О чемъ-то страшномъ говорятъ.
Безмолвно старецъ изумленный
Молилъ Творца о сокрушенной;
Онъ понялъ что единый Богъ

Ея печаль утѣшить могъ;
И старца важное молчанье,
Его встревоженный покой,
И незнакомки молодой
Неукротимое страданье, —
Гласило все о черныхъ дняхъ,
О дняхъ отравленныхъ бѣдою,
И безнадежностью земною
Въ священный приводило страхъ.
Одинъ, тревогамъ непричастный,
Младенецъ тихій и прекрасный,
Не зная что и жизнь, и рокъ,
Грозой нетронутый цвѣтокъ,
Съ улыбкой, съ ясными очами,
На грудь родимую припалъ,
И влажными отъ слезъ кудрями,
Безпечный, весело игралъ.

XIII.

Но скоро стонъ ея мятежный
Умолкъ, и грустью безнадежной
Залегъ въ сердечной глубинѣ;
И, при печальной тишинѣ,
Уже невольно часъ полночи
Сомкнулъ у всѣхъ усталы очи.
Младая путница одна
Разсвѣта ждетъ, не зная сна;
Стремится думою далеко:
Но что готовитъ рокъ жестокій?
Какую вѣсть она найдетъ?
Нѣтъ силы ждать: она встаетъ,
Младенца будитъ поцѣлуемъ:
„Когда-бъ ты зналъ, гдѣ мы ночуемъ,
„Дитя мое!...“ И въ томну грудь
Желанье новое тѣснится,
И передъ тѣмъ какъ удалиться,
Еще ей хочется взглянуть
На то село, гдѣ ночевала,
Село... И тихо, тихо встала,
И начала сбираться въ путь:
Иконѣ Спаса помолилась
И низко старцу поклонилась,
Который долго не смыкалъ

И самъ очей, но предъ зарею,
Склоняся на плечо главою,
Въ широкихъ креслахъ почивалъ;
И вотъ стопою торопливой
Въ тѣнистый садъ она спѣшитъ,
И взоръ ея нетерпѣливый
Живѣе, пламеннѣй горитъ.

XIV.

Чуть видная межъ облаками,
Луна послѣдними лучами
Свѣтила съ пасмурныхъ высотъ;
Березы надъ прудомъ дремали,
И тѣни шаткія дрожали
На зыбкомъ лонѣ сонныхъ водъ.
О, какъ у бѣдной сердце билось!
Въ какихъ терялося мечтахъ!
Но хоть страданьемъ утомилось,
Хоть очи грустныя въ слезахъ,
А все улыбка на устахъ.
Казалось, будто ей знакомы
Пустые, мрачные хоромы;
Что этотъ лугъ, что этотъ садъ
Не въ первый разъ встрѣчаетъ взглядъ;
Съ прудомъ, деревьями, цвѣтами,
Минувшимъ вдругъ оживлена,
Какъ съ незабытыми друзьями,
Опять увидѣлась она;
Хоть все печальнѣй, все небрежнѣй,
Но дышетъ все порою прежней,
Здѣсь все къ себѣ ее манитъ;
Привѣтъ нѣмой во всемъ находитъ;
Родную тѣнь лѣсокъ наводитъ,
Ручей знакомое журчитъ.
На барскій дворъ она бѣжитъ
И на крыльцо легонько входитъ,
Въ покои темные глядитъ;
Они стоятъ давно пустые;
Но лишь въ окно луна блеснетъ,
И тамъ какъ будто что мелькнетъ,
То мнится ей, въ часы ночные
Тамъ бродятъ призраки родные,
Тамъ дышетъ то, чего ужъ нѣтъ;

И все, чѣмъ сердце расцвѣтало,
И что сбылось, и что пропало,
Что обѣщалъ и не далъ свѣтъ,
Что было, есть, любовь, страданья,
Безвѣстность, ужасъ ожиданья,
Все разомъ гибельной стрѣлой
Въ душевны раны проникаетъ,
И жжетъ, и холодъ гробовой
Въ убитомъ сердцѣ разливаетъ.
Безъ силъ, къ столбу прислонена,
Ужъ не тоскуя, не мечтая,
Сама въ себѣ погребена,
Она стоитъ полуживая...
Но святость горя и любви
Сильнѣе бѣдствія земного:
Струя румяная вдали,
Предтеча утра молодого,
Уже зажглась, и съ нею вновь
Рѣшимость, горе и любовь
Въ душѣ томящейся проснулись;
Всѣ думы разомъ встрепенулись.
„Пора, пора! идемъ, идемъ!
Я тамъ провѣдаю о немъ“.
И, за дубовыя перила
Хватаясь трепетной рукой,
Въ тѣнистый садъ она сходила,
Уже тропинкой луговой
Бѣжитъ, влекомая мечтой;
Въ порывахъ быстраго движенья
Замѣтны тайныя волненья;
Садовникъ, спящій у воротъ,
Ее спросонья окликаетъ;
Она отвѣта не даетъ,
Прощальный взоръ назадъ бросаетъ
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ путь проселочный лежитъ
Къ Москвѣ и страшной и желанной,
И ужъ теряется въ кустахъ
Съ младенцемъ милымъ на рукахъ.
И не видна въ дали туманной:
Но долго быть о ней молвѣ
У Шереметева въ селѣ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

... The lost on earth revived in heaven.
Lord Byron.

I.

Востокъ алѣя пламенѣетъ,
И день заботливый свѣтлѣетъ;
Проснулись пташки; въ тихій боръ
Ужъ дровосѣкъ несетъ топоръ;
Колосья въ полѣ подъ серпами
Ложатся желтыми рядами;
Заутрень сельскихъ дальній звонъ
По рощѣ вѣтромъ разнесенъ;
Скрипитъ подъ сѣномъ возъ тяжелый,
И заигралъ рожокъ веселый.
О, еслибъ ты, прекрасный день,
Гналъ мрачныя души волненья,
Какъ гонишь ты ночную тѣнь
И сновъ обманчивыхъ видѣнья!
Зачѣмъ ты въ блескѣ молодомъ
Лелѣешь каждою зарею
И вишню солнечнымъ лучомъ,
И ландышъ утренней росою,
Но сердца, полнаго тоской,
Не освѣжишь своей красой?

II.

Клубятся въ полдень черны тучи
По раскаленнымъ небесамъ,
И вихрь несетъ песокъ горючій
Съ дороги пыльной по холмамъ;
Въ томленьи душномъ жнецъ лѣнивый
Лежитъ въ тѣни, оставя нивы;
Пастухъ со стадомъ въ лѣсъ бѣжитъ;
Боръ темный шепчетъ и дрожитъ;
Сожженный листъ о стебель бьется;
Все притаилось, все молчитъ:
И вдругъ огонь по тучамъ вьется,
Грохочетъ громъ, съ нимъ дождь и градъ
Въ поляхъ встревоженныхъ шумятъ.

III.

Въ пріютѣ сторожа лѣсного
Съ младенцемъ путница ждала,
Чтобъ туча бурная прошла.
Теперь до города родного
Ужъ недалеко; путь свершенъ:
Тамъ всѣхъ увидитъ, все узнаетъ;
Но сердце больше замираетъ.
Теперь ей снится грозный сонъ,
Но какъ-то и надежда снится;
А завтра... завтра все рѣшится;
Быть можетъ, завтра будетъ ей
День страшный, всѣхъ страшнѣе дней;
Быть можетъ, завтра въ наслажденье
Ей было-бъ мрачное сомнѣнье.

IV.

Утихла буря; сводъ небесъ
Межъ дымныхъ тучъ уже синѣетъ,
И ароматомъ дышетъ лѣсъ,
И какъ свѣжо съ поляны вѣетъ!
Цвѣты, омытые дождемъ,
Блестятъ подъ влажнымъ жемчугомъ
И солнце вечера спокойно
Бросаетъ ярко лучъ незнойный.
Одна дорогою большой,
Въ прекрасномъ мірѣ сиротой,
Молитвой ужасъ отгоняя,
Идетъ страдалица младая;
Почти ей жаль, что конченъ путь;
Къ ней въ душу страшно заглянуть:
Прошла пора искать, какъ прежде,
Минутной радости въ надеждѣ;
Зіяетъ рокъ... Но вотъ она
Стоитъ, дрожитъ: Москва видна...
„Хранитель-Ангелъ, дай мнѣ силу!
Веди меня... не на могилу!“
И внѣ себя она глядитъ,
А передъ нею болѣ, болѣ
Москва видна въ широкомъ полѣ,

И ужъ вдали замѣтенъ видъ
Стрѣлецкой башни полудикій,
Уже въ очахъ Иванъ Великій, —
Какъ жаръ, вѣнецъ его горитъ!
Глядитъ, — и въ сердцѣ онѣмѣли
Тоска и страхъ: чему нѣтъ словъ,
Что дышетъ тайностью гробовъ,
Напѣвомъ дѣтской колыбели, —
Прокралось въ грудь; и трижды въ прахъ
Передъ Москвой она склонилась
И съ мрачнымъ пламенемъ въ очахъ
Къ заставѣ близкой торопилась;
Но ужъ опять въ душѣ у ней
Волненье прежнее страстей.
Взгляните, какъ она уныло
То чуть ступаетъ, то бѣжитъ,
И сколько въ грусти боязливой
Неизъяснимаго таитъ!
Нѣтъ, гордый умъ не разгадаетъ,
Что сердце робкое мечтаетъ:
Любовью созданный въ бѣдахъ,
Ее волнуетъ новый страхъ.
Чья жизнь въ другихъ, тотъ поневолѣ
Примѣтамъ вѣритъ въ темной долѣ:
Она боится, чтобъ монахъ
Ей не былъ встрѣчею печальной,
Чтобъ черный гробъ въ дыму свѣчей,
При звукахъ пѣсни погребальной,
Не испугалъ ея очей;
И голосъ милый, но прощальный,
Вездѣ, во всемъ несется къ ней.

V.

Заря давно ужъ догорѣла,
Когда, печальныхъ думъ полна,
Въ родимый Кремль вошла она;
Кругомъ лишь въ сумракѣ бѣлѣла
Его зубчатая стѣна,
И крестъ на башнѣ Годуновой
Сіялъ во тьмѣ звѣздою новой.
Идетъ... и въ сердцѣ и въ мечтахъ
Нетлѣнныхъ раки, царскій прахъ;

Уже встрѣчаютъ томны взоры
И златоглавые соборы,
И древній княжескій дворецъ:
Здѣсь, другъ Петра, ея отецъ
Дѣлилъ съ нимъ мудрыя бесѣды
И праздновалъ свои побѣды;
Тамъ мать ея, въ тиши ночей,
За дочь молилась у мощей:
А тамъ, невѣстой молодою,
Была она двора красою:
Тогда женихъ... и вдругъ у ней
Ручьями слезы изъ очей.

VI.

Безмолвно бѣдная молилась,
Душой ввѣряясь небесамъ;
И теплой вѣрой оживилась,
Спѣшитъ въ завѣтный Спасовъ храмъ:
Нерукотворная икона
Отъ бѣдъ страдальцамъ оборона...
Шагами робкими идетъ
Чрезъ темный звучный переходъ,
За ту рѣшетку золотую,
Гдѣ при заботливыхъ отцахъ
Таили жизнь свою младую
Царевны въ свѣтлыхъ теремахъ;
И вотъ повергнулась въ слезахъ
Передъ иконою чудесной:
„Спаси его, Отецъ небесный,
Спаси его, а мнѣ дай знать,
Что съ нимъ, и какъ его искать“.
И, мнилось, ангелы внимали
Ея таинственной печали.

VII.

Въ Кремлѣ святая тишина;
Въ Москвѣ на стогнахъ сонъ глубокій;
Уже надъ башнею высокой,
Въ дыму, туманна и красна,
Взошла полночная луна;
Но алый паръ предъ ней рѣдѣетъ

На темно-синей высотѣ;
Луна полночная свѣтлѣетъ
Во всей обычной красотѣ;
Сіянье томное трепещетъ
На бѣлокаменныхъ стѣнахъ,
И на соборахъ, на дворцахъ
Струями пламенными блещетъ;
Оно сребристой пеленой
Лежитъ на гладкой мостовой.
Бросаетъ въ стекла искры злата,
И Грановитая палата,
Какъ бы внутри освѣщена,
Чего-то дивнаго полна;
И ярко свѣтятся лампады
Сквозь окна узкія церквей,
И чуть замѣтно вдоль ограды
Мерцанье тусклыхъ фонарей;
Все тихо, все святыней дышетъ;
Травою воздухъ не колышетъ,
Лишь одинокій часовой
Прохожихъ глухо окликаетъ,
И только мѣди вѣщій бой
Молчанье ночи прерываетъ;
Но миръ ея не возмущенъ;
Онъ святъ, какъ праведниковъ сонъ.

VIII.

Уныло путница младая,
Младенца къ персямъ прижимая,
Сходила съ Краснаго крыльца,
Дрожала, плакала, блѣднѣла,
И робкая на камень сѣла
У озареннаго дворца.
Невольно душу волновали
И блескъ минутный юныхъ дней,
И тѣ святые дни печали,
Которыхъ память намъ милѣй. . .
Въ грозѣ, ничѣмъ неотразимой,
Темницу друга раздѣлять,
Съ нимъ вмѣстѣ плакать, съ нимъ страдать:
Ея надеждою любимой.
Но сердце, сжатое тоской,

Тонуло въ думѣ роковой:
Навѣкъ ли небо омрачилось?
Гдѣ онъ? что съ нимъ? Ужель свершилось?
И, въ немъ забывъ людей и свѣтъ,
Съ душой, усталою отъ бѣдъ,
Она сидѣла, чуть дышала,
Одну мечту другой смѣняла...
Томяся въ смутной тишинѣ
Не на яву и не во снѣ...
Къ ней что-то льнетъ, къ ней что-то вьется:
Она вздрогнула; сердце бьется;
По жиламъ холодъ пробѣжалъ,
Сквозь сонъ младенецъ закричалъ;
И что-то, будто бы, мелькнуло,
Пошевелилось и вздохнуло...
„Ты здѣсь? Творецъ! какой судьбой?
О, ты ли, другъ, опять со мной?“
И прежнихъ дней товарищъ милый,
Предъ ней, встревоженный, унылый
На свѣтлой площади стоитъ;
Онъ къ ней нейдетъ, не говоритъ,
И зорко на нее глядитъ;
Онъ завернулся въ плащъ широкій;
Онъ въ думѣ мрачной и глубокой,
И чуденъ блескъ его очей,
И блѣденъ ликъ, и видъ смущенный,
И кольца черныя кудрей
Не вьются къ шеѣ обнаженной.
Сковалъ ее внезапный страхъ;
Встаетъ; нѣтъ силъ; на камень пала
И внѣ себя ему въ слезахъ
Младенца соннаго казала.
Какъ будто содрогнулся онъ,
Какъ будто непонятный стонъ
Въ устахъ сомкнутыхъ раздавался;
Недвижимъ, къ ней онъ приближался,
Ужаснымъ чѣмъ-то омраченъ.
Она глядитъ, дохнуть не смѣетъ;
А полная луна свѣтлѣетъ:
А плащъ откинулся слегка,
Выходитъ медленно рука;
Грудь обнажилась, кровь чернѣетъ
Рубашки бѣлой на краю;

Онъ тихо сталъ передъ женою
И, волосы собравъ рукою,
Съ плечъ поднялъ голову свою:
И, ярко озаренъ луною,
На шеѣ призракъ роковой
Темнѣлъ багровой полосой.

IX.

Творецъ судилъ: навѣкъ страданье
Ея удѣломъ, розно съ нимъ;
Ея земное упованье
Навѣкъ подъ камнемъ гробовымъ.
Съ несчастнымъ страшною разлукой
Печальной жизни цвѣтъ убитъ;
Одинъ ударъ ихъ двухъ мертвитъ:
И слезъ Натальи Долгорукой
Никто ничѣмъ не усладитъ.
Одна ужасная подруга
И въ темну ночь, и въ ясный день
Его страдальческая тѣнь,
Тѣнь мрачная младого друга,
Неотразимая въ очахъ:
Въ ней жизнь и смерть, любовь и страхъ;
И слухъ ея тревожатъ звуки
Прощальныхъ стоновъ, вопля муки,
И ужасаютъ томный взоръ
Оковы, плаха и топоръ;
Его кровавая могила,
Страша, къ себѣ ее манила;
И долгъ святый велитъ терпѣть;
Нельзя ни жить, ни умереть;
Она окована судьбою
Межъ мертвецомъ и сиротою.

X.

Промчались годы, но они
Душевной скорби не умчали,
И въ горѣ чувства замирали.
Ахъ, есть еще страшнѣе дни
Дней первыхъ пламенной печали!
Мятежной горести полна,

Какъ бы сражаяся съ судьбою,
Душа, терзанью предана,
Живетъ утратою самою;
Но есть пора: въ томленьи бѣдъ
Ни силъ, ни думъ, ни чувства нѣтъ;
Безъ слезъ крушитъ воспоминанье,
Безъ пламя ѣдкаго страданья
Лишь раны сердца все хранятъ
Свой тайный, свой холодный ядъ.
Но долгъ завѣтный совершился.
Младенецъ взросъ; свободна мать.
Что дѣлать ей? Какъ доживать
Печальный вѣкъ, который тмился
Суровой мглой? и гдѣ искать
Пріюта въ скорби одинокой?
Одинъ есть путь... Она летитъ,
Внушеньемъ вѣры, въ градъ далекій,
Гдѣ подъ Печерской Днѣпръ широкій
Волной священною шумитъ;
Тамъ, горе жизни вѣроломной
Стѣснивъ трудами и мольбой,
Она запрется въ кельи темной
До мирной сѣни гробовой.

XI.

Чей скорбный духъ воспрянетъ къ Богу,
Кто вѣры пламенникъ зажжетъ
И бездны скользкую дорогу
Съ крестомъ Спасителя пройдетъ, —
Въ пучинѣ золъ тотъ не погибнетъ.
Но, ахъ, когда въ груди у ней,
Когда остынетъ пылъ страстей,
Гроза сердечная утихнетъ!
То робкой думой въ небесахъ,
То лишь отраду зря въ слезахъ,
Она, въ борьбѣ сама съ собою,
Дрожитъ предъ клятвою святою.
Не страшенъ ей терновый путь;
Ей страшно небо обмануть.
Гдѣ свѣтлый міръ безъ разрушенья;
Тамъ живо все, тамъ нѣтъ забвенья:
Душа на вѣчность создана!

Любовь безсмертна, какъ она.
Духъ полонъ вѣры; онъ стремится
До гроба сердце умертвить:
Земной ли жертвы ей страшиться?
Но какъ ей друга позабыть?

XII.

Настала ночь. Горой крутою
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ,
Кто сходитъ позднею порою
На склонъ песчаныхъ береговъ?
Она... Зачѣмъ ей одинокой
Идти на Днѣпръ въ ночи глубокой?
Бушуютъ волны на рѣкѣ;
Зарница блещетъ вдалекѣ,
И тучи мѣсяцъ застилаютъ,
И на туманныхъ небесахъ,
Какъ бы забыты въ облакахъ,
Двѣ только звѣздочки мелькаютъ. —
Увы! душа ея мрачнѣй
Осеннихъ бурь и мглы ночей!
Она у волнъ въ раздумьи сѣла,
Склонила на руку лицо,
На Днѣпръ, вздохнувши, посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо:
„Свершилось все, навѣкъ свершилось!
И страшной клятвой, съ новымъ днемъ,
Я поклянусь предъ алтаремъ
Забыть все то, чѣмъ сердце билось.
Кольцо мое... залогъ живой
Межъ праха милаго и мной,
Тебя ждала моя могила!
Въ тебѣ страдальца я любила,
И небесамъ (Творецъ, прости!)
Кольца печали и любви
Въ безумствѣ я-бъ не уступила;
Но онъ, онъ самъ въ чудесномъ снѣ,
Онъ въ эту ночь являлся мнѣ;
Онъ мнѣ сказалъ: „покинь земное:
Въ любви есть тайное, святое:
Ей нѣтъ конца; и тамъ я твой!“
То былъ не сонъ“. И томны очи

Искали неба въ мракѣ ночи
Съ надеждой, страхомъ и тоской;
И было все покрыто мглой;
Но вдругъ изъ облака густого
Надъ рощей мѣсяцъ засіялъ;
Онъ такъ свѣтилъ, онъ такъ игралъ,
Какъ радость сердца молодого;
И мракъ ночной предъ нимъ исчезъ,
И на краю родныхъ небесъ
Опять двѣ звѣздочки мелькнули, —
И въ яркомъ свѣтѣ утонули.
„О, такъ и мы, душа съ душой,
Утонемъ въ радости святой!"
И вѣрой грудь ея дышала,
И жертва тайная въ мечтахъ...
Она кольцо къ устамъ прижала...
Оно блеститъ, оно въ волнахъ...
Въ волнахъ! Но что-жъ? Рукой дрожащей
Въ порывахъ сердца своего
Она изъ-подъ волны шумящей
Хотѣла выхватить его;
Уже рука межъ водъ скользила:
Но руку, тихо заструясь,
Волна холодная отбила,
И, можетъ быть, въ послѣдній разъ,
Но слезы хлынули изъ глазъ...
И межъ кустовъ тропинкой мшистой
Она пошла къ горѣ крутой,
И скрылась вдругъ въ дали тѣнистой,
Какъ нѣкій призракъ гробовой.

XIII.

Звонъ громкій, вѣтромъ разносимый,
Сзываетъ кіевлянъ во храмъ:
Навѣкъ сегодня, въ жертвѣ зримой,
Земное горе честной схимой
Передается небесамъ.
И старъ, и младъ, съ душой смятенной,
Идутъ смотрѣть обрядъ священный,
Всѣ разомъ набожной толпой
Тѣснятся въ монастырь святой.
Какъ на стѣнахъ его высокихъ,

На мхомъ подернутыхъ рубцахъ,
На переходахъ, на столбахъ
Видна печать временъ далекихъ!
Вѣка исчезли, храмъ стоитъ,
Стоитъ незыблемый, огромный,
И самъ, какъ вѣчность, тайный, темный.
Граненый рядъ чугунныхъ плитъ,
Подъ коимъ тлѣетъ прахъ могильный;
Старинной живописи видъ,
И тусклый свѣтъ паникадильный
Во мракѣ сводовъ вѣковыхъ,
И будто тѣней гробовыхъ,
Въ одеждѣ черной, хоръ умильный
Поющихъ инокинь святыхъ:
Во всемъ понятенъ гласъ пророчій
Послѣдней нашей длинной ночи.
Однѣ какъ въ радужныхъ лучахъ
Иконы свѣтлыя съ мощами;
Ихъ ризы блещутъ жемчугами;
Алмазы, яхонты въ вѣнцахъ
И, сыпля жаръ, скользитъ струями
Огонь лампадъ сквозь тонкій дымъ
По ихъ окладамъ золотымъ.
Но ужъ возносится моленье;
Начнется скоро постриженье;
Владыка здѣсь, готово все;
Уже во храмъ ведутъ ее;
Уже звучитъ по мертвымъ пѣнье;
Въ кадилахъ пышетъ ароматъ;
Ведутъ... и въ храмѣ на налоѣ
Крестъ и евангелье святое
Передъ иконою лежатъ,
Подъ ними ножницы блестятъ,

XIV.

Одѣта длинной власяницей,
И ликъ подъ черной пеленой,
Она вошла: уже гробницей
Взята отъ прелести мірской;
Стремяся къ жертвѣ невозвратно,
Посту, трудамъ обречена,
Передъ налоемъ троекратно

Распростиралася она;
Но, искушая страшной долей,
Ее спросилъ святый отецъ:
Стяжаетъ волей иль неволей
Суровый инокинь вѣнецъ?
Онъ рекъ, да сердца правотою
Отвергнетъ ядъ лукавыхъ стрѣлъ,
Что вѣчный огнь ей будетъ мздою,
Иль свѣтлый ангельскій удѣлъ.
И за нее святыя дѣвы
Молитвы теплыя творятъ;
Уже раскаянья напѣвы
Къ Судьѣ доступному летятъ.

Что я? Кто я? — Изгнанникъ рая,
Въ грѣховной безднѣ утопая.
Что жизнь, и разумъ, и краса? —
Цвѣтокъ увядшій, дымъ, роса.
Но Онъ своей щедроты бездной,
Онъ, милосердый Царь надзвѣздный,
Услышитъ вопль мой, Онъ меня
Спасетъ отъ вѣчнаго огня.

Но вотъ и ножницы блеснули,
Невольно въ храмѣ всѣ вздрогнули;
И старецъ ихъ предъ ней держалъ:
„Возьми и даждь ми“, онъ сказалъ.
Она свой взоръ на нихъ склонила,
Взяла и старцу возвратила;
Въ другой разъ то же, въ третій разъ...
Вдругъ стонъ... и въ храмѣ раздалась
Толпа, — и отрокъ неизвѣстный,
Дрожащій, какъ она прелестный,
Не смѣя воли дать словамъ,
Бѣжитъ... упалъ къ ея ногамъ.
Цѣлуетъ, облилъ ихъ слезами...
Увы, что съ ней! Кто зритъ сердца,
Тотъ видѣлъ все; она очами
Искала образа; съ лица
Холодный потъ, какъ градъ катился;
Но взоръ на образъ устремился:
Безмолвно отрока она,
Душой молясь, благословляетъ,
И старцу ножницы вручаетъ.

Онъ взялъ, — и жертва свершена,
И кудри темныя, густыя
Летятъ на плиты гробовыя;
И поясъ крѣпкой правоты,
И риза дивная нетлѣнья,
И покрывало чистоты,
И знакъ блестящій искупленья,
Ей все дано; она вняла,
Что мудрость вѣчная рекла:
„Кто хочетъ царствія Христова,
Блаженства отрекись земного,
И чрезъ долину слезъ и бѣдъ
Съ крестомъ гряди ему вослѣдъ!“
Сей путь ея: и ангелъ новый,
На небеса уже готовый,
Она стоитъ предъ алтаремъ,
Въ рукѣ съ таинственнымъ крестомъ.

Въ житейскомъ морѣ зря волненье,
Отъ бури гибельныхъ страстей
Я притекла искать спасенья
У тихой пристани Твоей.

И Ты, о свѣтъ незаходимый,
Божественный, непостижимый,
Отрада чистая сердецъ,
Небесный страждущихъ Отецъ,
Привлекъ Ты къ пристани надежной
Разбитый челнъ грозой мятежной;
Ты отдалъ жизнь, Ты усладилъ,
Мечтанье правдой озарилъ;
И днесь въ восторгѣ упоенья,
Благословляя дни мученья,
Къ блаженству разцвѣтая вновь,
Она ужъ тамъ, гдѣ нѣтъ страданья,
Гдѣ брошенъ якорь упованья,
Гдѣ Ты, и вѣчность, и любовь!“

XV.

Летая думой вдохновенной
Въ завѣтный мракъ минувшихъ дней,
Опять узналъ мой духъ смятенный
Тревогу темную страстей.

Хоть свѣтлый призракъ жизни юной
Печаль и годы унесли;
Но сердце, но мечты, но струны,
Онѣ во мнѣ, со мной, мои.
Я вспомнилъ ночь, когда, томимый
Тоской ничѣмъ неотразимой,
Въ Печерской лаврѣ я сидѣлъ
Надъ той спокойною могилой,
Надеждамъ страшной, сердцу милой,
Въ которой прахъ священный тлѣлъ:
Она душѣ была порукой
Невѣрной радости земной, —
И тѣнь Натальи Долгорукой
Во тьмѣ носилась надо мной...

К. Ѳ. Рылѣевъ.

1795—1826.

НАТАЛІЯ ДОЛГОРУКОВА.

Настала осени пора.
Въ долинахъ вѣтры бушевали,
И волны мутнаго Днѣпра
Песчаный берегъ подрывали,
На брегъ сей дикій и крутой,
Невольно слезы проливая,
Бесѣдовать съ своей тоской
Пришла страдалица младая.

„Свершится завтра жребій мой:
Раздастся колоколъ церковной —
И я навѣкъ съ своей тоской
Сокроюсь въ келіи безмолвной.
О, лейтесь, лейтесь-же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ:
Сегодня я послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!

„Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ,

И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ.
Была гонима всюду я
Жезломъ судьбины самовластной;
Увы! вся молодость моя
Промчалась осенью ненастной!

„Въ борьбѣ съ враждующей судьбой,
Я отцвѣтала въ заточеньѣ;
Мнѣ другъ прекрасный и младой
Былъ данъ, какъ призракъ, на мгновенье.
Забыла я родной свой градъ,
Богатство, почести и знатность,
Чтобъ съ нимъ дѣлить въ Сибири хладъ
И испытать судьбы превратность.

„Все съ твердостью перенесла,
И, бѣдствуя въ странѣ пустынной,
Для Долгорукова спасла
Любовь души своей невинной.
Онъ жертвой мести лютой палъ:
Кровь друга плаху оросила;
Но я, бродя межъ снѣжныхъ скалъ,
Ему въ душѣ не измѣнила.

„Судьба отраду мнѣ дала
Въ моемъ изгнаніи уныломъ:
Я утѣшалась, я жила
Мечтой всегдашнею о миломъ!
Въ странѣ угрюмой и глухой
Она являлась мнѣ какъ радость,
И въ душу, сжатую тоской,
Невольно проливала сладость.

„Но завтра — завтра я должна
Навѣкъ забыть о страсти нѣжной!
Живая въ гробъ заключена,
Отъ жизни отрекусь мятежной.
Забуду все: людей и свѣтъ,
И холодна къ любви и злобѣ,
Суровый выполню обѣтъ —
Мечтать до гроба лишь о гробѣ.

„О, лейтесь, лейтесь же изъ глазъ,
Вы, слезы, въ мѣстѣ семъ уныломъ!

Сегодня я въ послѣдній разъ
Могу мечтать о другѣ миломъ!
Въ послѣдній разъ въ нѣмой глуши
Брожу съ воспоминаньемъ смутнымъ.
И тяжкую печаль души
Ввѣряю рощамъ безпріютнымъ".

Тутъ, снявъ кольцо съ своей руки,
Она его поцѣловала,
И бросивъ въ глубину рѣки,
Лицо закрыла и взрыдала.
„Сокройся въ шумной глубинѣ,
Ты, перстень, перстень обручальный,
И въ монастырской жизни мнѣ
Не оживляй любви печальной!"

Рѣка клубилась въ берегахъ,
Поблеклый листъ валился съ шумомъ;
Порывный вѣтръ шумѣлъ въ поляхъ
И бушевалъ въ лѣсу угрюмомъ.
Полна унынья и тоски,
Слезами перси орошая,
Пошла обратно вдоль рѣки
Дочь Шереметева младая.

Обрядъ свершился роковой...
Прости послѣднее веселье!
Одна съ угрюмою тоской
Страдалица сокрылась въ кельѣ.
Тамъ дни свои въ постѣ влача,
Снѣдалась грустью безотрадной
И угасала, какъ свѣча,
Какъ предъ иконой огнь лампадный.

КОНЕЦЪ.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

Проф. Т. Грановскій. Четыре характеристики. 10 к.
А. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. 10 к., въ мягк. пер. 20 к., въ изящномъ переплетѣ 30 к.
. В. Гюго. Избранныя стихотворенія. 10 к.
. В. Шекспиръ. Гамлетъ принцъ Датскій. 10 к., въ перепл. 30 к.
, 6. М. Сервантесъ. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. 20 к., въ перепл. 40 к.
Народныя движенія въ Россіи. I. Морозовщина. 10 к.
, 9, 10. Р. Базенъ. Умирающая земля. 30 к.
. В. Аловъ. „Русскіе еретики". 10 к.
, 13. Д. де-Фо. Робинзонъ Крузо. 20 к., въ переплетѣ 40 к.
. Проф. Кудрявцевъ. Римскія женщины. В. I. 10 к.
. М. Метерлинкъ. Слѣпые. Внутри. Сестра Беатриса. 10 к.
, 17, 18. Проф. А. Рамбо. Исторія французской революціи 1789-1799 г.г. 30 к.
. А. Марлинскій. Наѣзды. 10 к.
, 21. Е. Марлиттъ. Вторая жена. 20 к.
. М. Загоскинъ. Кузьма Рощинъ. 10 к.
, 23а. А. Чирецкій. Патріархъ Никонъ. 20 к.
. 25, 26. К. Байэ. Исторія искусствъ. 30 к., въ пер. 50 к.
. А. Шницлеръ. Зеленый попугай. Подруга жизни. 10 к.
, 29. Г. Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. 20 к., въ пер. 40 к.
. Г. Флоберъ. Иродіада. Сказаніе о Юліанѣ Милостивомъ. 10 к.
31. П. Чайковскій. Либретто оперъ 10 к.
32, 33. В. Шекспиръ. Гамлетъ (съ примѣчаніями для постановки на сценѣ). 20 к.
34. Е. Мюнцъ. Рафаэль. Біографическій очеркъ. 10 к.
35. Ф. Шиллеръ. Избранныя стихотворенія. 10 к.
36. Н. Римскій-Корсаковъ. Либретто оперъ. 10 к.
37. Слово о полку Игоревѣ. (Классное изданіе). 10 к., въ мягк. пер. 20 к.
38. Народныя движенія въ Россіи. II. Разиновщина. 10 к.
39, 40. Ренэ Базенъ. Возрождающаяся земля. 20 к.
41. Э. Верхарнъ. Рембрандтъ. 10 к.
42. В. Шекспиръ. Макбетъ. 10 к., въ перепл. 30 к.
43. Проф. Кудрявцевъ. Римскія женщины. В. II. 10 к.
44. М. Реймонъ. Микель-Анджело. 10 к.
45. Ж. Ришпенъ. Первые шаги Цезаря Борджіа. 10 к.
46. Проф. Г. Сэайль. Ліонардо да Винчи. 10 к.
47. Княгиня Н. Б. Долгорукая. Ея записки. Поэмы И. Козлова и К. Рылѣева. 10 к.
48. Максъ Дрееръ. Зимній сонъ. Пьеса 10 к.
49. Проф. Р. Ierингъ. Борьба за право. 10 к.
50. Анатоль Франсъ. Перламутровый ларецъ. 10 к.
51. А. Гейне. Морисъ Метерлинкъ, 10 к.

№№ 34, 44 и 46 въ одномъ переплетѣ 50 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ.

СПб., Гостиный дворъ, 18; Невскій, 13. Москва. Кузнецкій мостъ, 12; Моховая, 22.

Москва. — „ЗВЕНО", Б. Никитская, 20.

Тип. „Герольдъ", СПб., 7 рота, 26.